

ВАДИМ ПАНОВ
ИГОРЬ ПРОНИН

ОХОТНИКИ НА ВАМПИРОВ

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Вадим Юрьевич Панов
Игорь Евгеньевич Пронин
Охотники на вампиров
Серия «Тайный Город», книга 21

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9523580

*Охотники на вампиров / Вадим Панов, Игорь Пронин.: Эксмо; Москва;
2015*

ISBN 978-5-699-79707-3

Аннотация

Много лет простой русский миллионер Вениамин Долинский хранил ужасное воспоминание: будучи в пионерском лагере, маленький Веня стал свидетелем нападения кровожадных вампиров на мирных граждан. Мог ли он предполагать, что спустя десятилетия узнает страшных чудовищ в охранниках элитного московского клуба «Специальное приглашение»... Тайный Город, обитель древних рас, привольно раскинувшийся на берегах Москвы-реки, ревностно хранит свои секреты от непосвященных, но иногда им удается увидеть то, что скрыто колдовством, и тогда завязывается невероятная история, в которой причудливо переплелись судьбы Долинского, членов старинного британского «Клуба охотников на вампиров»

и представителей различных Великих Домов Тайного Города, а также их вассальных семей, не исключая Красных Шапок...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	39
Глава 3	74
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Вадим Панов,
Игорь Пронин
Охотники на вампиров**

© Панов В., Пронин И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

А был ли мальчик?

Третьеклассник Веня Долинский не ждал от пионерского лагеря ничего хорошего. То есть – абсолютно. Однако объяснить родителям, что он уже достаточно взрослый, чтобы одному пожить на даче, пока они будут отдыхать в Болгарии, он не сумел, как ни старался. И взять с собой единственного сына тоже убедить не смог, не подействовали ни слёзы, ни логичные, как казалось Вене, доводы.

– Я должен посмотреть мир! – кричал он, размазывая по пухленьким щёчкам злые слёзки обиды и разочарования. – Папа, ты сам говорил, что надо с детства расширять кругозор!

– Какой ещё мир? – Отец спокойно перелистнул газетную страницу и невозмутимо продолжил чтение статьи об отчётно-перевыборном собрании Гагаринского исполкома города-героя Москвы. – Курица – не птица, Болгария – не заграница.

– Папа!

– Но ты не волнуйся... – Не отрываясь от чтения, Долинский-старший почесал «профессорскую» бородку, которая украшала его пухлое лицо, делая похожим на актёра Смехова в роли мушкетёра Атоса. – Учитывая новую политику

партии, у тебя есть шансы поехать по миру... Вот подрастёшь, выучишься и поедешь. А в Болгарии тебе делать нечего. Скучно там.

– Я бы в гостинице посидел! Или, ладно уж, я и тут могу посидеть. Пап, я обещаю: буду учиться! Вот дай мне задание, и я к вашему возвращению всё выучу! Можете даже магнитофон спрятать!

– Магнитофон? Он ещё здесь? – Отец отложил газету и с тревогой посмотрел в сторону кухни: – Маша! Ты договоришься с Ковальчуками? Я думаю, магнитофон тоже надо им отнести, вместе с видаком.

– Видак в коробке, заклеен, я им сказала, что он новый совсем, и они точно не станут его смотреть! – крикнула мама. – А про магнитофон они знают. Хочешь, чтобы Ковальчуки его заслушали?

Магнитофон был хорошим, двухкассетным, японской фирмы «Sharp», купленным в «Берёзке» за чеки, и о его наличии знал весь подъезд. Многие завидовали...

Несколько секунд в душе Долинского-старшего шла отчаянная борьба осторожности с бережливостью, но победила всё-таки врождённая боязнь квартирных краж.

– Ничего магнитофону не сделается, – решил муж. – Пусть слушают, чтоб они подавились... Ты только кассет не давай, пусть свои крутят, если есть. Вот видак – там да, там лентопротяжный механизм слабый... Чёрт, ничего в этой стране делать нормально не умеют! – Долинский-старший

раздражённо зашуршал газетой, проклиная себя за покупку «Электроники ВМ», а не японского же видака, который обошёлся бы дороже, но не огорчал бы столь низким качеством. – С другой стороны, удачно машину в ремонт отогнал. Пока они будут копаться, как раз вернёмся.

Веня тяжело вздохнул. Родители панически боялись воров и даже поставили вторую дверь позади первой, с какими-то хитрыми, «по блату» раздобытыми замками и двумя засовами. Всё бы ничего, но когда он пригласил на день рождения Свету Бочарову и нескольких одноклассников, они стали над этой конструкцией смеяться. Оказывается, никто так не делал. С другой стороны, побывав в гостях у своих немногочисленных друзей, Веня убедился, что им и дорожить особо нечем. Видеомагнитофон вообще только у Долинских и был, о чём родители умоляли сына помалкивать.

– Ну почему я должен ехать в этот дурацкий лагерь?! – горько спросил он и демонстративно, но как будто случайно, свалил с этажерки десяток заграничных фигурок индейцев и ковбоев. – Что я там не видел?

– Там свежий воздух! – Мама, проходя мимо, взъерошила сыну волосы. – Не «Артек», конечно, зато там наши сотрудники в вожатых. Они за тобой присмотрят.

– А делать там что?! – взвыл Веня.

– Там вас будут на речку водить, ну ещё... – Долинский-старший перелистнул газету. – Что там ещё? Кружки всякие. Картошка печёная. Песни у костра...

– Только не смей связываться с хулиганами! – строго велела мама. – Иди сразу к Галине Александровне, она будет помощником начальника лагеря в твоей смене. Понял? Не к вожатым, а сразу к ней. Ничего, развеешься немного. А то тебе дай волю, ты будешь весь день перед телевизором сидеть. Ты ведь уже даже этот, как его, «Сельский час» смотришь!

– Я расширяю кругозор! Мам, ну у нас же есть дача, там воздух ещё свежее! Я чудесно провёл бы это время и не выходил никуда с участка! Только можно мне туда старый телевизор с кухни? Ну, как обычно?

– Не сходи с ума! Никто тебя одного не оставит, а бабушка сейчас сидеть с тобой не может, потому что в больнице... Как там она, Долинский? Не надо заехать?

– Машину из ремонта заберу и заеду, – пробурчал Долинский, продолжая изучать газету. – Этот Горбачёв – просто идиот! Но, может, оно и к лучшему. Тэтчер ему улыбается, ха-ха! Веня, ты этого не слышал, усёк?

Веня кивнул и стал покорно собирать разбросанные игрушки. Он давно знал: что бы ни говорили одноклассники, поддерживать шутки о властях и политике нельзя. Всё всегда может измениться, и тогда за слова придётся отвечать.

Так учил папа, а папа зря не скажет.

Собирая солдатиков, Веня постарался припомнить, что знает о пионерских лагерях. Судя по фильмам, всё не так уж плохо, хотя спать в одной комнате с оравой других мальчи-

шек Вене совершенно не хотелось. К тому же там подъём по утрам... Зачем нужны каникулы, в которые нельзя поспать вдоволь?

Кому они нужны?

Веня с ненавистью посмотрел на приготовленный мамой потёртый чемодан и стал собираться. Первым делом напихал книг и игрушек, после чего понял, что места под что-нибудь ещё не осталось.

– Значит, так, сынок! – Отец неслышно подошёл сзади и положил руки Вене на плечи. – Игрушки с собой никто не берёт, потому что лагерь должен всё необходимое предоставить. Мы, между прочим, деньги платили за путёвку. Небольшие, но... Нам ведь и недоплачивают в нашей системе! Я тебе рассказывал. Что касается книг, то ты что же, хочешь, чтобы кто-нибудь взял у тебя книгу и не вернул? Или разодрал, изрисовал? Нет, Венька, вытаскивай всё. Кстати, джинсы ранглеровские тоже не бери. Они не для того покупались, чтобы ты их разодрал за одну смену. Поедешь в чём попроще и старых кедах.

– Они мне малы! – возмутился Веня.

– Потерпишь! – Отец развернул сына к себе и серьёзно посмотрел ему в глаза. – Ты необычный мальчик, Веня. А необычных никто не любит. Поэтому надо прикидываться обычным, серым, неинтересным. И я тебе искренне советую: не надо там умничать. Умных тоже не любят. Делай, как все. Все пойдут хулиганить – ты тоже иди, но не первым, и дале-

ко не заходи. Чтобы не выделяться, понял? Тогда коллектив тебя примет. Это будет тебе хорошей школой. А вернёшься – снова станешь жить, как привык. И ещё... – Голос старшего Долинского слегка дрогнул. – Вряд ли там будут вкусно кормить. Но ты мужчина и должен уметь проглотить любую дрянь. Если совсем плохо – не доедай, но и не ругайся, чтобы кто-нибудь не решил, что ты дома одним дефицитом питаешься. Там будут и дети из бедных семей.

– Они будут драться? – На глаза Вени навернулись слёзы.

Мама много раз ему говорила, что дети из бедных семей злые и всегда бьют таких, как он – необычных, необыкновенных и умных. И в ранглеровских джинсах.

– Нет, если правильно себя поведёшь, тебя никто не тронет. Никогда не спорь с коллективом, а коллектив – это на самом деле заводилы. Сильные мальчишки, которые сбились в тесную компанию и командуют остальными. Высмотри их и подружись. В общем, учись. В жизни такой опыт очень пригодится. Весь мир так устроен, и надо этим пользоваться, правильно себя вести. И тогда однажды ты поймёшь, как просто управлять людьми через их же лидеров, которые считают себя сильными и независимыми.

Вениамин послушно кивнул, хотя про себя думал иначе. Но это уже был урок, выученный им самостоятельно: не спорь с отцом, потому что он сильнее, и как он захочет, так и сделает. Лучше слицемерить и не слишком протестовать. Но в пионерлагерь он по-прежнему не хотел, считая это глупо-

стью и пустой тратой времени. Тем более если там вдобавок ко всему плохо кормят. И бьют.

Но деваться было некуда.

...Около двух часов они тряслись на автобусе, хотя, как Веня узнал, пионерский лагерь «Горнист» располагался не так уж далеко от железнодорожной платформы, куда прямо от Москвы ходила электричка, на которой можно было бы доехать гораздо быстрее. Информацию он почерпнул от соседки по сиденью, полной веснушчатой девчонки, которая отдыхала в этом лагере в прошлом году и всю дорогу без умолку трещала о живом уголке с кроликами, о дежурствах по столовой, редких выходах на речной пляж и тому подобной ерунде. Веня старательно делал вид, что ему интересно, и улыбался.

«Если станет совсем плохо – убегу! – думал он про себя. – Перед контролёрами в электричке поплачу, если поймают, навру что-нибудь. А в Москве у метро буду просить у прохожих, кто-нибудь обязательно даст пяточок, люди у нас добрые. Доберусь до дома и сразу пойду к Ковальчукам, скажу, что в лагере эпидемия какая-нибудь! Холерная, например! И поэтому всех распустили по домам! Должны поверить. Дадут мне ключи, вот я и дома. Ковальчуки, наверное, даже с родителями связываться не станут – где их искать в Болгарии? А если и свяжутся, то ведь не вернутся они из-за меня, попросят Ковальчуков присматривать за мной, им нетрудно, ведь на одной площадке живём. Вот и всё!»

План побега приободрил Долинского, но вскоре его вновь постигло разочарование. Оказалось, что лагерь окружён высоченным забором, а единственный КПП жёстко контролируется. Само это слово, КПП, пугало Веню до мурашек, поскольку от него веяло чем-то серьёзным и военно-полевым, а папа всегда говорил, что от армии следует держаться подальше.

На КПП имелись большие ворота для проезда машин и маленькая калитка, возле которой постоянно дежурили взрослые. Ещё Веня узнал, что в заборе тоже есть пара калиток, но они постоянно заперты, а ключи получают только вожатые и только для того, чтобы вывести детей в лес или на реку.

Получилось, что родители загнали единственного сына в мышеловку, и это обстоятельство вызвало ещё один приступ горькой обиды. Правда, плакать Долинский не стал – не мог себе позволить.

Отряд, в который распределили Веню, жил в одноэтажном свежепокрашенном домике, в холле которого, на стенде для объявлений, висел большой ватманский лист с подробным распорядком дня. С кошмарным распорядком, из которого Веня с ужасом узнал, что и в столовую, и в душ ходить можно лишь в строго определённое время, а не когда захочется есть или помыться, и только с вожатыми. Сами вожатые, Сергей и Нина, тоже не порадовали. Правда, Сергей умел играть на баяне мелодии западных песен, но вёл себя так, что

сразу стало ясно: вмешиваться в личные взаимоотношения подопечных он не намерен.

– Кто ночью попробует нос из палаты высунуть – будет потом три ночи туалет драить! – сразу сообщил он. – Хотите трепаться, а не спать? Ваше дело, только чтобы тихо!

Вожатая Нина, ярко накрасившаяся сразу после приезда в лагерь, вообще не обращала на мальчишек никакого внимания. Она разговаривала только с девочками, и на её помощь рассчитывать не приходилось. В запасе у Вени была помощница директора, знакомая мамы, но он знал: только взрослые могут думать, что кто-то может защитить от хулиганов, с которыми жертва спит в одной комнате. Или, точнее, палате, как тут по-больничному выражались. Хулиганы, конечно, имелись, их было видно сразу. Веня попробовал покрутиться рядом и завязать разговор, но быстро получил пинка. Напрасно папа думал, что так легко сойти за своего!

Скучая, Веня зашёл в умывальник и застыл в шоке. Тут не было ванн! И душа тоже! Только маленькие ванночки для мытья ног. Заглянув в туалет, Веня закрыл лицо руками. Отчего, отчего никто его не предупредил, что унитазы тоже отсутствуют?!

– Это каторга! – прошептал Веня, смаргивая слёзы. – Вот куда вы меня отправили, гады! На каторгу! Но я сбегу. Как Фрунзе! Сбегу за границу, в Болгарию! Или домой... Клянусь!

Но побег нужно как следует подготовить, и потянулись

длинные дни, наполненные для кого-то радостью и интересными событиями, а для Вени – фальшивыми улыбками и стараниями примазаться к заводилам. Кое-что удалось, его стали использовать в качестве общего ординарца: сбегай туда, принеси то-то, подай, передай... Веня не протестовал, был услужлив, внимательно изучал происходящее и меньше чем через неделю уже знал, что ребята из старших отрядов регулярно сбегают из «Горниста» – в дощатом заборе оказался самый обыкновенный потайной лаз, устроенный ещё во время первой смены. Специально опоздав на обед, Веня прошёлся вдоль забора и обнаружил подвижную доску. Дорога к свободе была открыта! Вот только бежать днём оказалось затруднительно, поскольку вожатые, опасаясь неприятностей, постоянно устраивали переклички. Ещё Долинскому сказали, что милиция нарочно высматривает на платформе детей без родителей, спрашивает, кто и откуда, и если ответ не понравится – отвозит в участок. Но даже это обстоятельство показалось мелким на фоне того, что старшие ребята каким-то образом договорились с Сергеем и стали присматривать за мелкотой.

– Кто сбежит – пожалеет! – уверенно заявил как-то Рыжий, самый «борзый» в отряде. – Всё равно поймают. Потом Серёге от директора достанется, а нам – от Серёги. И я тоже таких гнобить буду.

– Точно! – согласился Димка по прозвищу Толстый. – И я!

– И я!

Веня тоже сказал, что будет гнобить беглецов, хотя его никто не слушал. Но сказал, поскольку в этот момент он понял, что папа прав: с коллективом не стоит спорить, а коллектив не любит тех, кто много о себе думает.

Тем не менее Веня свято верил, что стоит только добратся до Москвы – и его уже никто не вернёт. Да, он сразу расскажет Ковальчукам, как его тут били и мучили! Тем более что за неделю он сильно похудел, а это обстоятельство взрослых сильно пугает, не зря же бабушка при встречах первым делом спрашивает, сколько он весит... Правда, еда в лагере оказалась не такой уж и противной, однако её количество Веню не устраивало.

«Бежать надо ночью, – решил он. – Страшновато, но... Вдоль забора пройти, до самого КПП, а там прямая дорога! Утром на платформе народу всегда много, и если спрятаться в кустах, а выбежать только когда электричка подойдёт, никто на меня внимания не обратит. Надо только незаметно уйти из палаты в умывальник, а там – в окно... Одежду заранее спрятать. И шпингалеты на окне тихонько открыть с вечера, чтобы ночью не шуметь! А волки тут не водятся...»

Вспомнив о возможных опасностях, Веня зябко передёрнул плечами. В волков он не верил, да ими никто и не пугал. Но каждый вечер, по старой традиции пионерских лагерей, кто-нибудь начинал рассказывать страшную историю. Обычно – глупую или даже смешную, про «гроб на колёсиках» или «что-то в чёрной-чёрной комнате», но иногда брал

слово Толстый, и тогда становилось по-настоящему жутко. Толстый любил рассказывать о вампирах, о том, как нападают они на людей и высасывают из них кровь до тех пор, пока не высосут полностью. И тогда тот, из кого кровь выпили, тоже становился вампиром.

Истории были вроде бы выдуманные, но всё равно страшные. Однажды Вене даже приснилось, что Толстый встал ночью, подкрался к нему и впился зубами в шею. Веня проснулся с криком, и его закидали тапочками.

Припомнив этот случай и поразмыслив как следует, Долинский решил сбежать ближе к утру, когда вампиры будут вынуждены вернуться в свои гробы. Летом светает рано! Заметят же его отсутствие только перед завтраком, когда Сергей придёт проверять, как заправлены койки, и устроит перекличку, а до того будет суeta и брожение от палаты к умывальнику и обратно. В это время он уже должен сесть в электричку.

Днём Сергей открыл на полчаса комнату с чемоданами, чтобы все желающие могли что-нибудь забрать или положить, и в неё тут же набились девчонки, однако Веня сумел протолкнуться в маленькую «каптёрку», вскрыть свой чемодан и незаметно, за пазухой, вынести шорты и рубашку, которые спрятал в кустах неподалёку от лаза в заборе. Вечером Толстый снова взялся рассказывать какую-то жуть про маленький посёлок, где вампиром оказался начальник милиции, но в самом начале истории Веня, фальшиво прошеп-

тав что-то о необходимости срочно пописать, выскользнул из палаты. Забравшись на подоконник, он с трудом открыл тугие шпингалеты и, чуть приоткрыв окно, выглянул наружу. На лагерь опускались сумерки, и хотя было ещё достаточно светло, окружающий мир показался Вене неожиданно жутким, как рисунки к рассказам Толстого. К тому же внезапный порыв ветра закачал кусты под окном, и мальчик отшатнулся, едва не свалившись с подоконника.

– Нечего бояться! – приказал он сам себе и затворил окно, зажав рамой заранее припасённый носок – чтобы не открылось случайно. – Всё в порядке, теперь ночью тихо выскочу, никто не проснётся.

Всё шло по плану, но в туалет Веня всё же заскочил, хотя и не собирался.

Вернувшись в палату и получив нагоняй от старших за то, что мешает слушать, он свернулся калачиком под одеялом и стал ждать, время от времени поглядывая на фосфоресцирующие стрелки часов «Полёт». Были у Вени часики получше, но их мама закрыла в серванте, чтобы никто в лагере не отобрал. «Полёт» Веня тоже поначалу прятал, носил в кармане и нацепил на руку, только убедившись, что часы не отбирают даже у младших.

Время шло, а история не заканчивалась. Толстый, как назло, сегодня оказался в ударе и вёл рассказ о некоем пионерском лагере, очень похожем на «Горнист», в котором начали пропадать дети, один за другим... Потом их ста-

ла находить милиция, и ни в одном не оказалось ни капли крови. Старший милиционер тогда устроил засаду и в полночь услышал за спиной старушечий голос: «Милиционер, милиционер, подскажите, пожалуйста, а какого цвета у вас... Кровь!!!» Когда Толстый заорал «Кровь!», Веня даже взвизгнул от ужаса, но таких в палате оказалось несколько, и над ним никто не засмеялся. Засмеялись над всеми. На шум явился взлохмаченный Сергей и, хотя все прикинулись спящими, пообещал завтра «устроить отряду весёлую жизнь».

– А тебе, Толстый, я так скажу: ещё хоть что-нибудь отсюда услышу, пойдешь прямо сейчас зарядкой заниматься. Сочинитель хренов! И Рыжий тоже будет вокруг корпуса бегать, до утра!

– Меня-то за что?! – возмутился Рыжий. – Я вообще сплю!

– Рот закрой! – Сергей с силой пнул кровать Рыжего, так что закричала металлическая сетка. – С вами по-человечески, а вы не понимаете? Ну, значит, по-другому будет!

Сергей ушёл. Кто-то попросил шёпотом продолжения истории, но Рыжий тут же запустил в него тапком.

– Всё, теперь тихо! Кто Серёгу будет злить, с тем я разберусь! А ты, Толстый, затыкайся, я за тебя страдать не собираюсь.

– Да не нужны мне его сигареты! – обиженно пробурчал тот.

– Что сказал?! – Рыжий мгновенно навис над ним. – По-

говорить хочешь? Я поговорю!

Ответом стала тишина.

А ещё через несколько минут – настоящая тишина: мальчишки начали засыпать. Веня изо всех сил старался дышать ровно: он испугался Рыжего даже сильнее, чем вампиров и вожатого Сергея вместе взятых. Сейчас идти нельзя, нужно ждать, пока Рыжий уснёт, потому что однажды этот длинный парень уже закрывался в умывальнике с двумя пацанами, которые не захотели ему подчиняться, а потом они вышли оттуда зарёванные и молчаливые, хотя ни нос, ни губы ни у кого не были разбиты. Вене по секрету рассказали, что Рыжий знает карате и бьёт в живот и как-то ещё так, что выходит больнее, чем по лицу. А ещё Рыжий мог выкрутить руку и заставить ползать вокруг стола, так он сделал с Буратино, дурашливым и глупым мальчиком, когда тот поколотил кого-то из младших.

В общем, Веня не собирался нарываться на Рыжего, а потому лежал тихо, изредка поглядывал на часы и ждал, когда все точно уйдут.

Дождавшись половины второго, Веня понял, что дальше ждать нельзя: глаза слипались, и если он не решится пойти прямо сейчас, то обязательно уснёт. Будучи по натуре мальчиком упрямым, Веня не позволил себе отступить и, тихо откинув одеяло, спустил ноги с предательски скрипнувшей кровати. Дощатый пол под ногами был холодным, за окном – темнота. Поёжившись, Веня нащупал тапочки и выскольз-

нул из палаты в умывальную комнату, где тоже было темно, но вдобавок ещё и холодно. Задрожавший Веня подошёл к окну, отворил раму и осторожно посмотрел на свободу.

Свежий ветерок мягко лизнул мальчика в лицо.

«Идти?»

Ночью всё выглядело иначе. С одной стороны, вроде бы те же кусты, клумбы и дорожки, с другой – совершенно незнакомые, таинственные, а некоторые даже тревожные... Слева, в соседнем корпусе, светилось окошко, но в ту сторону Веня отправляться не собирался и потому не испугался. Тяжело вздохнув, он забрался на подоконник, и в этот момент из-за облаков выглянула луна в три четверти.

– Растущая! – определил Веня, вспомнив ленивые поучения вожатого. – Ну и хорошо. Всякие страшности только в полнолуние случаются!

Он спустил ноги вниз и сполз на животе по холодному карнизу, потом перехватился руками за раму, спустившись ещё ниже, но до земли всё равно не дотянулся.

«А вдруг там змея?!» – успел подумать он, разжимая пальцы.

Змеи внизу не оказалось, зато Долинский больно стукнулся пятками и упал боком прямо на врытый уголком в землю красный кирпич, один из тех, что очерчивали клумбу. Тихо застонал: ему казалось, что окно расположено гораздо ниже, но тут же умолк, опасаясь разбудить вожатых или ребят, поднялся и, прихрамывая, поспешил к забору. По пути

пришлось миновать два корпуса, в которых жили старшие отряды, и не просто миновать, а с приключениями: из окна одной палаты слышались приглушённые голоса – парни общались с девчонками, – и Вене пришлось красться мимо со всей осторожностью, на какую он был способен. Пронесло – прошёл незамеченным.

А едва миновал последний корпус, как тут же уловил далёкий запах дыма. Сначала Долинский решил, что кто-то из старших недавно покурил, но чем ближе он подходил к лазу в заборе, тем явственнее чувствовался дымок.

За оградой горел костёр.

– Этого ещё не хватало! – одними губами прошептал Веня, отыскивая в кустах спрятанную одежду. – А если доска заскрипит, что тогда делать? А если это вообще какие-нибудь «деревенские»?

«Деревенские» были ещё одной страшилкой. Сам Веня их ни разу не видел, но в лагере постоянно рассказывали, как «деревенские» избивали каких-то пацанов, которые сбежали за ограду лагеря и воровали яблоки. Пацанов этих Веня тоже не видел, но встречаться с таинственными подмосковными дикарями не хотел. Одевшись, он, закусив губу и скривившись от страха и напряжения, осторожно отвёл доску в сторону. Звук получился совсем тихий, но Веня выждал, убедился, что никто не идёт выяснять причину подозрительно-го скрипа, и только после этого сунул голову в открывшуюся дыру.

С той стороны пахло не только дымом, но и шашлыком! Причём пахло настолько вкусно, что Долинский даже слюнку сглотнул – шашлык он обожал. Выглянув, Веня заметил и отблеск костра – ярдах в ста от забора или чуть больше. Сам костёр скрывали деревья – за забором начинался лес, – и сидящие около него люди вряд ли видели мальчика. Осторожно выбравшись наружу и опустив доску на место, беглец попытался рассмотреть под ногами тропу, но в лесу было ещё темнее, чем в лагере, поскольку кроны деревьев скрывали луну, и идти можно было исключительно по памяти. Но память подвела: сделав несколько осторожных шагов, Веня задел крапиву и обжёг коленки.

– Вдоль забора растёт! – беззвучно прошептал он, повторяя манеру отца иногда говорить с самим собой. – Надо тихонечко отойти...

Десяток шагов в лес – и он уже едва мог различить в темноте зелёный забор. Тут пахло соснами и ещё сильнее – дымом и жареным мясом. Долетел негромкий перебор гитары и чей-то смех. Впереди Веню ждала темнота, долгий путь через лес, крапива и, возможно, ещё какие-то неприятности, включая волков, деревенских и милицию, поэтому уходить от костра не хотелось.

Некстати вспомнились вампиры и пропавшие дети...

И вдруг где-то справа еле слышно хрустнула ветка.

«Ветка?!»

Значит, он тут не один?

Вене отчаянно захотелось писать. И оказаться подальше от тёмного леса, в котором хрустят непонятные ветки. Сама идея побега, да ещё ночью, теперь казалась ему глупой и никому не нужной. Что ему в лагере не сиделось? Что в тёплой кровати не спалось?

Далеко впереди кто-то то ли вздохнул, то ли ухнул...

Веня попятился, и распрямившаяся ветка куста больно хлестнула его по щеке. Мальчик ойкнул, присел на корточки, едва не заплакал, но сдержался. Потому что приходилось быть начеку: теперь, напуганный, одинокий, желающий в туалет и побитый кустами, он постоянно слышал какие-то звуки – хруст, треск, пощёлкивания, шорохи, шелест листьев...

«Ветра ведь нет, почему же листья шелестят?!»

Но ответа на этот вопрос не было.

Перебирая руками по земле, Долинский двигался от ствола к стволу, пытаясь избежать встречи с кем-то страшным... Он чувствовал приближающийся кошмар, хотя сам в него не верил. Он ведь большой мальчик! И Толстый всё врёт, выдумывает! Нет никаких вампиров. Только если это «деревенские», то есть злые хулиганы, то почему их совсем не слышно? Не индейцы же они, в конце концов!

«Заблудился! – неожиданно понял Веня, прекратив путешествие на карачках. – Теперь точно хана».

Забор остался то ли где-то слева, то ли уже сзади, и теперь мальчик не только видел костёр, но и приблизился к нему

настолько, что мог различить мужские и женские голоса, однако это обстоятельство его не радовало – Веня был уверен, что вокруг происходит нечто страшное. Ещё незаметное, но уже близкое. Не ветер его беспокоил, не зверушки лесные, не волки или собаки, которые могли тут оказаться – нет.

Надвигалось нечто...

– А вдруг – вампиры? – одними губами прошептал Веня. – Вдруг Толстый не всё выдумал?

Зубы застучали от страха, ноги стали вялыми, а мышцы живота, напротив, сжались в тугий узел. Долинский опустил-ся на колени и закрыл лицо руками. Приготовился разры-даться – и сделал бы это с превеликим удовольствием, – но пересилил себя, поскольку понял, что в лесу наступила ти-шина.

Мёртвая тишина.

В которой необычайно отчётливо звучали голоса сидящих у костра людей.

Мужчина, тихонько трогая гитарные струны, говорил что-то о политике нового руководства страны. Женщина подда-кивала, как будто ей было интересно. Потом другой мужчи-на предложил перестать болтать о ерунде, потому что «вто-рая порция готова», и Веня услышал, как что-то забулькало, выливаясь из бутылки в стакан. Женщина, на этот раз дру-гая, постарше, сказала, что засиживаться до рассвета сего-дня не надо, и Долинский узнал голос маминой подруги – Галины Александровны, работающей в лагере заместителем

директора. Мужчина, предлагавший шашлык, оказался уса-
тым физруком, который вечно устраивал глупые эстафеты,
на гитаре брэнчал вожатый самого старшего отряда, а вто-
рую женщину Долинский не опознал.

Но присутствие неподалёку знакомых людей успокоило
мальчика, и странное, непонятно откуда взявшееся предчув-
ствие приближающегося кошмара ненадолго его оставило.

– Такая тишина настала, безветрие! – отчётливо произ-
несла Галина Александровна и плотнее закуталась в шаль. –
И при этом пробирает до костей у самого костра!

– Это потому, что вы предпочитаете белое вино, – объяс-
нил физрук. – Может, чего покрепче?

– Оставьте.

– Горячее мясо тоже неплохо согревает. Вы кушайте.

– Я кушаю.

– Значит, согреетесь...

– Доброй ночи!

Веня не видел того, кто поздоровался с сидящими у ко-
стра людьми, но его парализовало при первых же звуках
необычайно мягкого и глубокого голоса. Мальчик крепко за-
жмурился и, если бы умел, то же самое проделал бы с ушами.

Предчувствие не обмануло – в тёмном лесу притаился
ужас...

– С дороги сбились, молодые люди? – недружелюбно
встретил пришельцев физрук – к костру вышли четверо оде-
тых в тёмное мужчин. – Так, парни, мы из пионерского ла-

геря! Давайте-ка по-хорошему разойдёмся, а то тут мигом милиция окажется! Вы знаете, как сейчас лагеря охраняют?

– Знаем, – не стал скрывать обладатель мягкого голоса. – Но стоило бы лучше охранять, а то мало ли кто по округе пройдёт...

– Кто пройдёт? – не понял физрук.

– Мне нравится твой страх, батя, – хохотнул мягкий. – Так ведь до сих пор обращаются к... Ну, к таким, как ты?

И Веня буквально физически почувствовал, что участников пикника охватывает ужас.

Они уже поняли, что к ним пришли не деревенские хулиганы, они начинают подозревать, что перед ними отнюдь не люди, но пока отказываются в это верить. Они скованы inferнальным ужасом, но рацию не позволяет признать, что перед ними стоят герои мальчишеских страшилок.

– Не надо со мной так разговаривать! – заявляет физрук, но его голос заметно подрагивает. – Я ещё раз спрашиваю: неприятности нужны? Так без проблем! Лагерь в двух шагах, нас там ждут и, наверное, уже знают о вашем появлении! Я бы на вашем месте постарался оказаться подальше, когда милиция приедет.

– Пропустите нас! – высоким голосом кричит Галина Александровна. – Слышите? Пропустите нас немедленно, вы не имеете права!

– Идите, идите... Разве мы вас задерживаем? – «Мягкий», возможно, улыбается, – Веня не видит, – и делает маленький

шаг в сторону, открывая проход к забору. – Мы всего лишь поздороваться подошли. Думали: может быть, помочь чем? Ступайте с Богом. И... Прошу вас, не звоните в милицию! Мы ведь никому никакого зла не причинили. Ступайте, а мы у костра посидим. Погреемся.

– Давно бы так! – бурчит физрук, но уверенности в его голосе не прибавилось. – Галя, иди первой... Давайте-ка все дружно, а костёр пусть сами тушат. Только я потом проверю! Тут лагерь рядом, мы оттуда всё увидим и услышим. Скоро рассвет уже. Надя, иди, не задерживайся...

А через секунду щемящую тишину леса разрывает дикий визг.

Кто из женщин его издал, Веня не понял, но оцепенение с него слетело.

«Бежать! Бежать! Спасаться!»

Он даже подпрыгнул на месте, но потом вновь прижался к земле, сжал зубы, вцепился руками в траву, да так и остался лежать, поскольку понял, что в бегстве спасения нет.

Потому что пытался махать кулаками физрук, но забулькал, захрипел, замолчал... Замолчала и первая женщина, словно отрезало, зато страшным, тягучим, непрерывным и совсем не мужским визгом заголосил гитарист, с которым чужие, переговариваясь на каком-то странном языке, делали что-то отвратительное, но не убивали. А гитарист визжал, и маленький Долинский понял, что взрослый мужчина просит смерти, просит, чтобы его убили...

А ещё через мгновение кто-то упал в кусты, прямо рядом с Веней. Едва сдержав крик, мальчик откатился в сторону, успев при этом заметить шаль Галины Александровны. Лицо женщины было чем-то перемазано, ноги не слушались, и она на руках поползла в сторону забора, крича или шепча:

– Помогите! Убивают! Помогите нам!

Замерший совсем недалеко Веня почувствовал нечто вроде упругого, но неявного эха со стороны лагеря и понял, что там никто ничего не слышит, потому что каким-то неведомым образом весь участок леса, где продолжал гореть костёр, оказался вырезан, выключен из окружающего мира.

Галина Александровна всё же поднялась, попыталась бежать, и тогда кто-то стремительный пронёсся над ней, перепрыгивая с ветки на ветку. Он не был похож на забавную мартышку, нет...

Зажимая рот, чтобы не закричать, Веня увидел, как этот охотник изящно спрыгнул, оказавшись прямо перед добычей, и крик Галины Александровны оборвался.

Хотя преследователь даже не успел к ней прикоснуться.

– Кровь! – Охотник погладил женщину по щеке и добавил пару слов на странном наречии.

Веня сжался калачиком, он даже дышать не мог от ужаса, не то что пытаться рассмотреть что-то в страшной лесной полутьме. А Галина Александровна больше не издала ни звука. Снова слышались голоса, и Веня неожиданно понял: они говорят по-итальянски. Как же он раньше не догадался?

Ведь из всех магнитофонов поют итальянцы! И по телевизору частенько тоже. Но разве вампиры должны говорить по-итальянски?

Пахло страхом и ещё чем-то тёплым, липким...

Полежав, не двигаясь, с минуту, Веня решился открыть глаза. Скосив зрачки в сторону, он заметил нечто вроде чёрного тумана между стволами. А потом вдруг на него обрушились звуки. Самые обыкновенные ночные звуки: зашелеstel листвоy ветер, залаяла где-то собака, а где-то ещё дальше прошёл товарняк, и когда его перестук затих вдали, Веня решил, что пора вставать. Вот только куда идти? Что, если вампиры пошли в лагерь, и теперь утром там найдут только трупы? А потом трупы начнут оживать, один за другим, и убивать милиционеров и вожатых! Что делать? Бежать к станции сквозь всё ещё тёмный лес? Но этого он и вовсе боялся до оцепенения.

«Досижу тут до рассвета, – решился наконец Веня, возвращаясь на землю, в ту небольшую ямку, которая оказалась для него счастливой. – Надо посмотреть на часы. Просто поднять руку и посмотреть на часы: сколько ещё осталось до рассвета? Тогда будет не так страшно».

Он уже почти решился пошевелить рукой, когда со стороны забора слышались приглушенные вскрики, потом лязг, и две тёмные фигуры с невероятной скоростью пронеслись мимо мальчика... Попытались пронестись, но не смогли. Раздался негромкий свист, за ним – шипение, вскрик, потянуло

горящим мясом, отвратительно горящим, как будто шашлык сожгли, и вскрик превратился в всхлип и затихающие ругательства. Очень грязные.

Кто-то снова умирал.

Не помня себя и не понимая, для чего он это делает, Венья приподнялся на руках и увидел картину, забыть которую не смог потом никогда: царапая пальцами землю, из костра пыталась выползти верхняя половина человека. На короткий миг глаза Долинского и умирающего встретились, а затем человек – или не человек? – в костре уронил голову в золу.

– Ортега, как это могло случиться? – К костру вышли двое высоких мужчин, один в чёрном комбинезоне, второй – в щегольском, словно из фильма, белом костюме. – Он осушили четверых челов.

На горящую и воняющую часть тела высокие не обращали никакого внимания. Как будто не видели. Или как будто видели то, что должны были увидеть, нечто обыденное и скучное.

– Мы ждали в лагере, не думали, что они наткнутся на пикник и решат начать с него, – виновато ответил обладатель комбинезона.

– Ортега, иногда мне кажется, что вы слишком много думаете, – поморщился белый костюм. – Вы должны были действовать, должны были прогнать челов до появления кровососов.

– Виноват.

– Оставьте ваш солдафонский юмор.

– Слушаюсь.

– Ортега! – Несколько секунд мужчины молчали, после чего костюм продолжил: – Челов не оживить. Вызывайте Службу утилизации, пусть валят всё на маньяка...

– Сделаю, комиссар.

– Но место преступления нужно отодвинуть от пионерского лагеря... Пусть инсценируют нападение у реки и аккуратно поработают с милицией.

– Понял.

– И ещё они должны сделать так, чтобы история попала в газеты.

– Как в газеты? – изумился Ортега.

– У челов теперь «гласность», – напомнил комиссар. – Газеты всё равно доберутся до этой грязи, так что лучше самим организовать утечку, чем они неделю будет сплетничать и раздувать произошедшее до космических масштабов.

– Понял.

– И надо побыстрее снизить магический фон, а то дети сегодня ночью ничего, кроме кошмаров, не увидят...

Мужчины, продолжая переговариваться, удалились, и всё кончилось!

Развеялось, словно упомянутый белым костюмом кошмар.

Предчувствие надвигающейся катастрофы покинуло Долинского, точнее, он понял, что катастрофа осталась в про-

шлом. Понял, потому что почувствовал и потому что поверил спокойному голосу белого костюма.

И ещё Веня понял, кого он видел!

Сразу понял, ибо папа недавно шептал маме, думая, что сын не слышит: «КГБ... Они просто ждут сигнала, они всё контролируют... Ты себе не представляешь, на что способны эти люди. Мне недавно рассказывал один товарищ... Ну, он хорошо в курсе. Все эти самоубийства – не просто так. Тел не показывают медикам, потому что у жертв расплавлены мозги. Излучатели! На каких частотах они работают, что могут сделать с человеком – нам ведь никто никогда не расскажет. Пичкают сказками про НЛО и прочее, а сами...»

Дальше Веня, к сожалению, не расслышал, но что такое КГБ, он знал. В Комитете работали «кэгэбисты» – страшные и совсем незаметные люди, которые всё про всех знали и могли с каждым сделать всё, что захотят. Они ловили шпионов и предателей, бывших полицаев, ещё с войны оставшихся, и просто жуликов... А теперь Веня стал свидетелем того, как КГБ расправился с вампирами!

Комитет может всё!

– Они меня убьют! – прошептал мальчик. – Обязательно убьют, я же всё видел! Не всё, конечно, почти ничего не видел, но они не поверят и убьют! А родителям скажут, что убил маяк! – Слова «маньяк» мальчик тогда ещё не знал. – Мне конец! Разве только – никто так и не заметил, что я ушёл из лагеря? Надо вернуться! Надо вернуться! Если убегу –

они сразу догадаются!

Когда Веня, умирая от страха, пролезал сквозь пролом, уже светало, но лагерь, конечно же, спал. Мальчик стащил с себя грязные шорты и рубашку и спрятал на прежнее место. В одних трусах, зябко ёжась на утренней прохладе, прокрался к корпусу и попробовал допрыгнуть до подоконника – слишком высоко, пальцы лишь скользнули по жестяному карнизу. В панике оглядевшись, Веня заметил оставленную возле соседнего корпуса лопату, с помощью которой вскапывали клумбу, сбегал, принёс, с трудом упёр в стену и, скользя по сырому черенку, дотянулся-таки до окна. Когда нижний шпингалет с громким щелчком встал на место, сердце Вени замерло. Случайно взглянув в большое зеркало над раковинами, мальчик увидел своё перекошенное лицо и – о, ужас! – седую прядь. И понял, что по ней его обязательно вычислят! Это же почти во всех страшных историях: после ухода вампиров находят последнего не убитого пионера, а он седой, и из глаз кровь течёт! Всем понятно, что просто так в лагере никто не поседает, слух поползёт по городу, КГБ всё быстро узнает и убьёт его.

– Ты что тут? – дверь неожиданно распахнулась, и в умывальню вошел заспанный Рыжий. – А ну спать пошёл, ослина мелкая!

Веня успел прикрыть седую прядь – но Рыжий спросонок всё равно не рассмотрел бы, – поспешил в палату, калачиком свернулся на кровати и с головой укрылся одеялом. Лёжа в

ожидании побудки, Веня вспомнил, что у спавшего по соседству Петьки есть перочинный нож, и утром, когда началась суэта и множество ног зашаркали по полу к умывальнику и обратно, Долинский стащил его из тумбочки, незаметно для остальных отрезал поседевшие волосы и выбросил их в туалет. А ножик вернул на место до того, как хозяин обнаружил пропажу.

...И потянулись долгие дни ожидания конца смены.

Ни Галина Александровна, ни физрук больше не появлялись, и по лагерю поползли слухи, что из-за некачественной пищи случилось отравление, и их, а ещё вожатых старшего отряда, увезли в Москву лечиться. Один только Веня знал, что это неправда, но помалкивал.

А потом смена закончилась, Долинский встретил весёлых и загорелых родителей, односложно ответил на стандартные вопросы: «Да, купались», «Нет, кормили вкусно», после чего осторожно сообщил, что единственное, понравившееся ему в лагере, – страшные истории про вампиров, шпионов и Красную Руку.

– Чушь! – засмеялся сидящий за рулём папа. – Нам всем не этого бояться надо... Тут такие дела могут начаться в любое время, что только держись! Но ты ещё маленький. Ты просто хорошо учись, Веня... Кстати, появилась возможность перевести тебя в школу получше.

– А что с волосами? – Мама бесцеремонно схватила сына за голову. – Тебя кто там стриг, а? Или что это было? И...

Так, это что? Отец, у него седые волосы!

– Не рассказывайте никому, пожалуйста! – тут же завопил Веня.

– Что с тобой сделали в этом уродском лагере?! – ещё громче завопила мама. – Я уже две недели не могу Галине дозвониться! Она вообще тобой занималась или жизнь свою разведённую устраивала, а?!

– Мамочка, я же говорю: там страшные истории рассказывали, – заговорил Веня тише. – Они интересные, только я очень боялся. Если ты кому-то расскажешь, что я от них поседел, – надо мной все будут смеяться! И в новой школе особенно, новичков нигде не любят. Кстати, у Галины Александровны, как мне сказали, малярия.

Отец фыркнул.

– Больше никаких лагерей! – заявила мать. – Время-то какое стало! Маньяки всюду, убийцы...

– Не этого нам бояться надо, – неуверенно повторил папа. – Ну, хорошо, в лагерь больше не поедешь. Только обещаешь хорошо учиться.

И Веня стал учиться почти на одни пятёрки.

Седая прядь, конечно, отросла, и вплоть до первого курса института мама закрашивала её, но потом Веня воспротивился, увидев почти такую же у парня в метро. Смотрелась прядь импозантно, но самое главное – если он такой не один, то в чем Веню сможет упрекнуть КГБ? Ни в чём. Ведь даже самым близким друзьям, даже выпив лишнего, Веня никогда

не рассказывал о том, что видел той ночью. Он твёрдо знал: вампиры существуют, и они не походят на героев фильмов ужасов.

Они страшнее.

Дела его шли хорошо. Ещё на закате «лихих девяностых» Вениамин Долинский сколотил себе серьёзное состояние, «вскочив в уходящий поезд», как сказал ему перед смертью отец. Долинский-старший не успел порадоваться за сына всласть — сам-то он сел в этот «поезд» в самом начале, был замешан во многом, и странная авария, унесшая их с матерью жизни, на самом деле была не случайностью, а приветом от «кинутых» когда-то партнёров. Веня об этом знал, но шум предпочёл не раздувать, твёрдо дав понять заинтересованным лицам, что дела отца его не касаются. С наследством пришлось распрощаться, но к этому времени собственное состояние Вениамина позволяло пережить эту потерю без особого огорчения.

С азартом воюя за лакомые куски и шаг за шагом приближаясь к самому главному, к власти, Долинский почти не вспоминал о вампирах. Разве что имел привычку каждый вечер самому проверять, заперты ли на все замки и цепочки двери. Жена, юная красавица, подшучивала над ним, но не перегибала палку: где ещё такого захомутаешь? Богатого, умного и перспективного, готовящегося войти в касту «неприкасаемых», для которых открыты все двери, способных проломить любые стены. Жена за своё счастье держа-

лась.

А Долинский поднимался всё выше. Его имя мелькало в газетах, о нём говорили в новостях, он давно перестал посещать рестораны «для всех», и вот однажды, пребывая в закрытом клубе «Специальное приглашение», о котором простому смертному даже знать-то не полагалось, Вениамин вышел на террасу выкурить сигару и неожиданно обратил внимание на стоящего неподалеку охранника. Неожиданно, потому что давным-давно перестал замечать прислугу. Обратил, потому что показалась ему знакомой повадка этого человека, манера двигаться, и...

И когда охранник обернулся, их взгляды на мгновение встретились.

И лишь железная воля не позволила Долинскому закричать от страха.

Глава 2

Маргарита и другие неприятности

То ли весна запаздывала, то ли зима что-то забыла и вернулась, но, выйдя поутру из дома, Шарп обнаружил, что одет совсем не по погоде. Стоило бы вернуться и сменить лёгкую осеннюю куртку на утеплённую, да ещё и шапку в карман сунуть, а шарфом шею обмотать, но ведь это дурная примета – возвращаться, к ней даже в Тайном Городе относились серьёзно, и рисковать наёмник не стал. С тоской и упрёком посмотрев на изморозь, внезапно покрывшую деревья и скамейки в конце апреля, Шарп поглубже засунул руки в карманы и осторожно спустился с крыльца на дорожку.

Под каблуками крепких ботинок скрипнул ночной ледок.
«Да уж, весна...»

Шарпу вспомнилась первая зимовка в Москве и мысль, которая преследовала его в те бесконечные месяцы: «Что, в местечке потеплее нельзя было устроиться?» И мысль сия была обращена к последним представителям древних рас, некогда избравших эту кошмарную, не приспособленную к цивилизованной жизни область местом своего пребывания, чем обрекли его, теплолюбивого, на необходимость платить страданиями за право жить и работать рядом.

– Надо спросить у шасов: может, есть какая-нибудь шту-

ка, чтобы и напоминала о погоде, и сама одежду выбирала, и ещё заставляла делать, как скажет? – пробормотал Шарп, заодно пытаясь сообразить, чего ещё ему не хватает, кроме тепла. Что-то определённо отсутствовало... – Но шасы опять начнут впаривать свои «свойстваменяющие ткани» или как их там... артефакты предусмотрительности за жуткие день-ги... Жульё. Зашёл просто спросить – вышел с ненужной вещью и без денег. Почему я живу так далеко от стоянки, а? Неужели нельзя было другую квартиру выбрать? Можно, но летом казалось, что стоянка рядом. А теперь волосы на ногах дыбом встали. А ещё... Ох, да что же такое!

От его восклицания в сторону шарахнулись две спешившие в школу малышки, заботливо укутанные мамашами так, что наружу торчали только носы. А вызвано восклицание было тем, что Шарп наконец-то понял, чего ему не хватает в это ледяное апрельское утро: ключей от машины. Обычно они ночевали в кармане куртки, но вчера ему пришлось подзаряжать встроенный в них артефакт спецзащиты, и приятель, Вова-Диггер, посоветовал оставить связку на ночь в морозилке. Мол, при отрицательных температурах заряд магической энергии истончается с меньшей интенсивностью, что приводит к невиданной экономии. Так это или нет, Шарп пока не определил, поскольку объект исследований так и остался в морозилке, зажатый слева пиццей, а справа пельменями.

– Ну, спасибо, Вова, за совет, – пробормотал замёрзший наёмник, замерев напротив тёплой будки охраны. – За эко-

номию спасибо. За участие...

Будь у него простые ключи, Шарп и не подумал бы о возвращении, а просто вскрыл бы авто, благо нужный навык имелся. Однако «Антиугон 8.4.1» – лучший на сегодняшний день комплекс Торговой Гильдии, – предполагал динамическую защиту вверенных его попечению авто, и Шарпу не хотелось получить электрический разряд по чувствительному месту.

А нечувствительных мест у него не было: каждая часть организма была наёмнику по-своему дорога.

– Доброе утро, Виталий! – Охранник выглянул, чтобы поприветствовать обладателя одной из самых дорогих машин на вверенной ему территории. – Что-то не так?

– Все не так, – ответил Шарп, с завистью глядя на «аляску», в которую не поленился упаковаться сторож. – И тебе доброго утра, Сергей Ильич.

– Прохладно сегодня.

– Я заметил.

– А ночью вообще жуть что было. До минус пяти по области опускалось.

Последнюю фразу охранник явно подцепил из радио или от телевизора. И прозвучала она так по-зимнему, что Шарпа словно морозным воздухом окатило.

– Пожалуй, я сегодня на метро поеду, – пробормотал он, борясь с желанием сорвать с разговорчивого сторожа «аляску». – Так быстрее.

Кроме того, от стоянки до метро было ближе, чем до подъезда.

– Может, и правильно! Вон на улицах какой каток с утра! – Сторож шаркнул подошвой по замёрзшей луже. – Надеюсь, недалеко ехать?

– В Москву.

– Москва большая.

– Потому и столица.

С помощью нехитрых гипнометодик Шарп давно избавился от явного акцента, освоил местные нормы общения, но что-то в его речи мешало Сергею Ильичу принять человека, которого он знал под именем Виталий, полностью за своего. И в то же время за своего он его принимал – мужик хороший, толковый, с понятием. Но не полностью свой. Будто немного... изменённый.

«Может, во внешней разведке служил, – предположил от скуки сторож, которому нравилось считать, что, послужив когда-то прапорщиком в пограничных войсках, он тоже имеет отношение к «органам», в широком и важном смысле этого слова. – В Греции, может быть, или в Италии. А может, и сам по себе болгарин какой...»

Шарп, втянув голову в плечи и часто перебирая ногами, скрылся за углом, и охранник выкинул его из головы до следующего появления.

Между тем Сергей Ильич совершенно случайно угадал, но так никогда и не узнал о своей правоте, что Шарп и

впрямь некогда считался гражданином Болгарии. В смысле – по паспорту. Однако демонстрировал он книжечку исключительно в тех местах, где никто не мог проверить его знание болгарского. И звали его тогда отнюдь не Виталий. И даже не Шарп. Вообще между «гражданином Болгарии» и нынешним «Виталиком» пряталось ещё шесть имён, два из которых Шарп собирался отрицать даже на Страшном Суде.

Но всё это осталось в прошлой жизни

Подходя к метро «Митино», Шарп всю растирал себе уши. Не принимали они мороза ни в каком виде! Отказывались. Бегом спустившись в переход и вместе с толпой утреннего часа пик оказавшись за стеклянными дверями, наёмник тут же расстегнул куртку, чтобы побыстрее впитать тепло, и улыбнулся, вклиниваясь в полный вагон.

Плевать, что тесно. Главное – тепло.

Метро Шарп, пожалуй, любил. Едешь себе, думаешь о своём, ни один придурок за рулём тебе не угрожает. Всё бы ничего, но раздражало обилие пассажиров. Было бы их, скажем, раз в десять меньше – Шарп и вовсе выводил бы машину из стойла только для развлечения. Да и путешествия по бесконечным московским пробкам удовольствия не приносили, только нервы отнимали, а иногда и деньги, когда из-за очередного затора срывалась важная встреча, а сейчас...

Шарп посмотрел на неброские, но, в лучшем смысле этого слова, «стильные», часы и с удовольствием убедился, что на этот раз об опоздании не может быть и речи.

Клиент, к которому направлялся наёмник, был из тех, кто даже минутное опоздание принимает за оскорбление. Прямо ничего не скажет, но губы скривит, и сразу ясно: в другой раз обратится к кому-то из коллег-конкурентов, чего в нынешней ситуации допускать никак не следовало, ибо финансы Шарпа готовились петь романсы. И даже так: готовились быть романсы. Подошли сроки выплат некоторых старых долгов, а новых поступлений оказалось недостаточно.

«Как я ухитряюсь всё тратить? – в тысячный, а может, в десятитысячный раз спросил он сам себя, прислоняясь к закрывшимся дверям. – Да ещё забывчивый стал – в окно не посмотрел, куртку лёгкую напялил... Жениться мне пора. Жена и экономить будет, и помнить обо всём. Если, конечно, это будет правильная жена...»

Отогревшись, Шарп впал в полудремотное состояние, благодаря которому едва не вывалился из вагона на следующей остановке, после чего мысленно отхлестал себя по щекам и заставил сосредоточиться на предстоящей встрече.

* * *

С Альфонсо да Вегой наёмнику уже приходилось работать.

В тот раз, несколько лет назад, ещё неопытный Шарп вполне спокойно отнесся к предложению за вознаграждение – не слишком высокое, правда, поскольку лейтенант гвардии

великого магистра не отличался щедростью, – последить за его женой, Анжелой. Супруга Альфонсо оказалась дамой более чем привлекательной, если смотреть со стороны, так отчего бы вечно мрачному, пропадающему на службе мужу и не начать волноваться? Конечно, работа не из тех, что создают серьёзную репутацию, но Шарп только появился в Тайном Городе, наработывал связи, опыт и брался за любую. Тем более что благородная дама оказалась к тому же ещё и благо нравной и, хотя посещала с подругами концерты и другие увеселительные мероприятия, какого-либо флирта категорически избегала. Неделию спустя, проговорившись в пивной о «непыльной работёнке» Вовке-Диггеру, Шарп услышал в ответ жизнерадостный гогот.

– Что такое? В чём прикол?

– Прикол? – Вовка протёр глаза и жестом заказал ещё по кружечке. – Прикол – это ты, дружище. Рыцарские жёны доблестных воинов Ордена, они... Как бы сказать... Они, в большинстве своём, приключений не ищут.

– Ну, это я уже и сам понял. – Шарп пожал плечами. – Воспитание, наверное, сказывается. Да и умно это: получила обеспеченную жизнь – живи за своим мужиком, как за каменной стеной.

– Нет, не только в воспитании дело, – покачал головой Диггер. – Дамы рыжие, они... в общем, они и с мужьями особо приключений не ищут. Даже, судя по слухам, избегают, как могут, приключений, если ты понимаешь, что я имею

в виду. У концов даже поговорка есть: «Болит, как голова у рыцарской жены». В общем, поздравляю, дружище: действительно неплохое дело. И тебе необязательно следить за объектом, лучше сюда почаще заглядывай, быстрее знаний наберёшься!

Вовка опять загоготал и расплескал пиво.

– Пьешь, как конь, и ржёшь, как лошадь! – скривился Шарп. – А я на самом деле посоветоваться хотел.

– Ну, посоветуйся, – щедро предложил приятель.

– Понимаешь... – Теперь, услышав о некоторых особенностях женщин Ордена, Шарп и в самом деле не знал, что думать. – Анжела заинтересовалась одной музыкальной группой: на их концерты с подругами ходит, цветы посылает, с солиста глаз не сводит...

– Если ходят на концерты, значит, мужья в курсе и не возражают. Так что этот солист – не твоя проблема, пусть она его хоть с ног до головы высмотрит.

– Ко всему прочему, солист у них гей, – отмахнулся Шарп. – Там сложнее ситуация: импресарио у группы – Виолиций.

– Племянник Грация?

– Ага.

– Думаешь, рыженькая пялится на гея, а представляет конца?

Несколько секунд Шарп внимательно смотрел на друга, после чего медленно согласился:

– Да, полагаю, всё именно так и обстоит.

– В таком случае я могу посоветовать твоему работодателю одно интересное устройство: «Универсальный спиливатель рогов конструкции Генриха Обманутого», – с трудом сдерживая приступ смеха, произнёс Вовка. – Шасы уверяют, что приспособление без следа уничтожает наросты любого диаметра...

И, не удержавшись, расхохотался в голос, привлекая внимание посетителей соседних столиков.

– Всё бы тебе ржать, – буркнул Шарп, сообразив, что Диггер над ним издевается.

– Шучу я только наполовину, – сообщил отсмеявшийся Вова. – На самом деле считай, что дамочка да Вега уже отдалась Виолицию, и...

– И если я сообщу об этом рыцарю, концу не жить, – уныло закончил молодой наёмник. – Так?

А становиться причиной смерти нелюдя Шарпу не хотелось.

– Не совсем.

– В смысле?

– Убивать концов за то, что они трахают чужих жен, – безнравственно, – поведал удивлённому приятелю опытный Диггер. – Вот если Альфонсо поймает Виолиция в своей постели и на своей... гм... В общем – на своей. То тогда – пожалуйста, режь сколько влезет. В смысле, пока не слезет... То есть... – Вова прыснул, но, заметив, что приятель начи-

нает звереть, сдержался. – Это назовут состоянием аффекта и отнесутся с пониманием. А просто за наставление рогов убивать нельзя. Не оценят.

– Концы трахают рыцарских жен? – Шарп хлопнул глазами, совсем как первокурсница.

– И весьма интенсивно. – Вова сделал большой глоток пива. – Но никакого расизма: все остальные генетические статусы получают от концов в равной мере.

– И им не мстят?

– По возможности. И уж всяко – не афишируя. – Диггер похлопал приятеля по плечу. – Так что не волнуйся: после твоего доклада Альфонсо не поспешит к злодею с кинжалом наперевес. Во всяком случае, если не спятит. К тому же... – Опытный наёмник хмыкнул. – В Тайном Городе всё так же, как в обычной жизни: если у Виолиция и правда в дядях Граций, то с ним не всякий рыцарь рискнёт связаться.

– Похоже, Альфонсо тоже так думает, – протянул Шарп. – Когда я упомянул о конце, он словно с цепи сорвался. Разорался, жену под замок на три дня, мне гонорар задержал...

– Предчувствует, – хихикнул Вова. – Если конец на женщину глаз положил, то ни замо́к не поможет, ни За́мок. Придётся делать вид, что ничего не случилось, и вынашивать планы мести. И, кстати, если Альфонсо предложит тебе приятную сумму за несложную работёнку по устранению конца, мой тебе совет: откажись.

Такого поворота Шарп не ожидал и, прежде чем ответить,

осушил кружку.

– Постой, но я же не наёмный убийца, я просто... Ты что, в самом деле думаешь, что Альфонсо способен на такое?

– Ещё как! – утвердительно кивнул Диггер. – Я делаю такой вывод на простом основании: станет уважающий себя потомок древнего рода нанимать чела, да ещё недавно оказавшегося в Тайном Городе, ради банальной слежки за женой? Скорее всего, Альфонсо уже знает об измене, удалил рога «Универсальным спиливателем» и теперь готовит тебя, новичка безусого, в качестве орудия мести.

– Надо же, какой ты тонкий психолог!

– Тут не то что психологом, тут психиатром станешь! – отмахнулся Вовка. – Ну всё, ругай меня по русской традиции. Пойду на встречу с хванами, которые не понимают, почему им заплатили только половину от обещанного. Мой клиент предпочёл, чтобы его кто-то представлял, знаешь ли.

– Ни пуха, – пожелал тогда ему Шарп, и, наверное, не напрасно: Диггеру пришлось отдать немалую сумму, залечивая полученные на этой встрече телесные повреждения.

* * *

Это было давно... Три года назад.

Заказ на устранение обидчика да Вега молодому наёмнику так и не выдал, расплатился сполна и велел убираться да держать язык за зубами, что Шарп проделал с огромным удо-

вольствием. И с надеждой, что никогда больше судьба не сведёт его с ревнивым лейтенантом.

Дела у наёмника с тех пор пошли на лад. Через неделю после первого контракта Шарпу повезло оказаться на собеседовании у Равиша Турчи, многопрофильного дельца, железной рукой управляющего кооперативом «Отец с ребёнком» и большого любителя нанять задёшево толкового наёмника. Правда, то, что Равиш считал «задёшево», для Шарпа оказалось манной небесной, и стороны, если можно так выразиться, нашли друг друга. Навыки и старые, по прошлой жизни, связи помогали наёмнику «качественно» работать с несговорчивыми контрагентами шаса, блюсти его интересы в самых разных, включая экзотические, уголках планеты, и получилось так, что Шарп чаще пребывал за границей, чем в Тайном Городе. Что, учитывая неподходящий ему московский климат, наёмника вполне устраивало.

Деньги капали, запросы росли, из дешёвых пивных баров Шарп переключался в «приличные», то есть дорогие и весьма дорогие места, в которых частенько расплачивался за всю компанию, и потому был несколько удивлён отказом Диггера в очередной раз отметить возвращение из очередной командировки.

- В субботу не могу, – неожиданно заупрямился Вовка, которого Шарп считал лучшим другом в Тайном Городе.
- Давай в пятницу. Или в воскресенье.
- Врёт он, – хихикнула Клара. – Не пойдёт он в «Ящер-

рицу»! Его оттуда выставили за попытку поближе познакомиться с прекрасной феечкой! Причём сама феечка и выставила, слегка намяв при этом Вовочке бока!

Клара имела на Диггера определённые виды, пару раз их получала и поэтому весьма ревниво относилась к похождениям бравого Вовы.

– Не повезло, – признался Диггер, пряча от приятеля взгляд.

– У этой феечки были предкритические денёчки? – поинтересовался их четвёртый компаньон – Авиценна.

– Критический характер.

– Не оценила твою статью?

– Как выяснилось, она какому-то рыцарю глазки строила, тот предпочёл ей подругу, а тут я...

– Хорошо, что дело кончилось только боками.

– Не только.

– А чем ещё?

Однако распространяться о полученных повреждениях Вовка не стал. Вместо этого буркнул:

– В общем, мне пришло уведомление, что на полгода я лишён права посещать «Ящеррицу».

И вздохнул.

– Тогда... – Шарп пожал плечами. – Ну, в самом деле, почему обязательно «Ящеррица»? Там понтов многовато, особенно это касается цен. Почему в тихом местечке каком-нибудь не посидеть? Сняли бы кабинет, и...

– И тупо напились там! – Клара поморщилась. – У меня другое предложение. Есть такое местечко за Серебряным бором: «Специальное приглашение». Поехали в него?

– Это же человский клуб, – удивился знавший все кабаки города Авиценна.

– Это клуб для челов, – уточнила женщина. – Причём – для крутых челов, в «Приглашение» просто так не приглашают. Граций его открыл для элиты и для контактов между человской элитой и нашей.

– Разве это не запрещено?

– Запрещено прямо влиять, а рабочие контакты по бизнес-вопросам никто запретить не может.

– Ладно, понятно, – махнул рукой Шарп. – Толстые челы приезжают туда перетереть с толстыми шасами за свои миллионы. А мы что там делать будем?

– Рассматривай это как поездку в сафари-зоопарк.

– В смысле?

– Посмотрим на элиту в её естественной среде обитания, – хихикнула Клара. – Может, сфотографируемся с каким-нибудь министром.

– Или набьём ему морду.

– Или так. Но бить придётся очень быстро, потому что охраняют «Приглашение» Носферату, а они ребята шустрые.

– Последний вопрос, – поднял руку Шарп.

– Ну? – Судя по нетерпению в голосе, Кларе очень захотелось в рекламируемый клуб.

– Нас туда пустят?

– Если пообещаем соблюдать правила.

– Мы же простые наёмники.

– Мы ведь даже не Кортес.

– Иногда такие, как Граций, оказываются кое-чем обязанными и простым наёмникам. – Клара весело подмигнула Диггеру. – Едем?

– Едем.

И они поехали. И оказались в Москворецком парке, часть которого ушлый Граций арендовал то ли на пятьдесят, то ли на сто пятьдесят лет для размещения «спортивного рекреационно-оздоровительного центра общефизической направленности», известного среди московской знати под названием – клуб «Специальное приглашение».

– У них тут, наверное, президенты встречи проводят! – поцокал языком коллега Авиценна, которому и «Ящеррица» казалась за пределами элитным местом.

– Бывают и президенты, – не стала скрывать вышедшая навстречу метрдотель. – Но мы не афишируем их визиты.

– Добрый вечер, Маргарита, – тоном старой знакомой произнесла Клара.

– Привет. – Метрдотель скептически оглядела компанию и уточнила: – Всем привет.

И в тот момент, когда Шарп заглянул в её холодно-серые, как небо в ноябре, глаза, он понял, что пропал.

Навсегда.

– Я провожу вас к столику. – Маргарита повернулась спиной – вид отсюда был не менее приятным, чем с «фасада», – и повела гостей в глубь территории. – Для тех, кто у нас впервые, сообщая: в «Специальном приглашении» вы можете увидеть челов и жителей Тайного Города, которых до сего дня... да и после сегодняшнего вечера тоже будете видеть исключительно на газетных фотографиях и в кадрах новостей. Эти челы и не челы пришли к нам, чтобы спокойно провести время... – Рядом с беседкой, мимо которой они проходили, играл струнный квартет, чел с журнальной обложки расслабленно внимал музыке, попыхивая сигарой. – Поэтому навязывать своё общество другим гостям категорически запрещено. В случае нарушения этого правила вам будет пожизненно отказано в привилегии посещать «Специальное приглашение».

– Как страшно, – не удержался от сарказма Авиценна.

– И ещё Носферату вас как следует побьют, – закончила Маргарита. – Так сказать, в качестве небольшого бонуса.

– Мы не будем приставать к другим гостям.

– Надеюсь. – Метрдотель внимательно посмотрела на Диггера. – Вы тоже обещаете?

Вопрос был задан таким тоном, что Вова сразу понял тайный смысл.

– Уже знаете о «Ящеррице»?

– Слухами земля полнится.

– Это было недоразумение.

– Поверю на слово. – Маргарита указала рукой на изящную беседку у самой воды. – Мы пришли. Меню на столе. Чтобы призвать официанта, нажмите кнопку вызова.

– Неужели ваши высокие гости тоже жмут на кнопочки? – не удержался Шарп. – Я думал, за спиной у каждого из них стоит личный официант...

– У высоких гостей всё именно так. А эту беседку мы держим специально для их шоферов. – Маргарита улыбнулась, и у Шарпа случился микроинфаркт. – А теперь извините, я должна быть на рабочем месте.

Метрдотель упорхнула, и наёмника слегка отпустило. Он первым плюхнулся за столик, откинулся на спинку кресла и потёр виски:

– Что это было?

– Здорово тебя шандарахнуло! – дружески пожалела Шарпа Клара, а Вовка и Авиценна обидно заржали. – Но, должна согласиться, в девушке есть особый шарм. Я-то разбираюсь.

– Я разбираюсь ещё лучше! – возмутился Авиценна, открывая меню. – Я вообще лучше всех... Спящий, проснись и накажи злодеев! Тут меню почти как в «Ящеррице», только цифры в последней колонке в два раза больше!

– Это потому, что сюда ехать дальше, – уныло уточнил Диггер. – Может, ограничимся минералкой?

– Тебе придётся заплатить, как за скважину минеральной воды... Включая разведку и бурение.

– Я сказала: особый шарм, – повторила Клара. – Шарп,

ну выдыхай уже! На тебя смотреть страшно: бледный, как высушенный масан!

– Разве бывают высушенные масаны?

– После встречи с навами.

– Навы высушивают масанов?

– Навы слово знают какое-то, – пытаюсь выглядеть серьёзным, произнёс Диггер. – Они это слово масанам говорят, и те выходят от них точно такие же, как сейчас выглядит Шарп.

– Всё бы вам смеяться, – проворчал наёмник, откладывая меню. – Где тут руки моют?

– Вернись в большой дом, – ответила Клара.

– Спасибо, я скоро.

– Спорим, он подкрадётся к главному входу и станет тайком следить за Маргаритой?

– Я всё слышу.

– Я знаю...

Шарп действительно посетил туалет, однако от мысли поискать метрдотеля отказался, слишком уж по-детски это выглядело бы. Вместо этого наёмник остановился у бара – полирующий стаканы конец показался знакомым, – и не ошибся: разливал гостям шоты и собирал коктейли не кто иной, как Виолиций, бывший импресарио перспективной поп-группы и личный недруг «орогаченного» – хотя свечку никто не держал – Альфонсо да Веги.

– Чего изволите?

Шарп скосил глаза направо – в трех табуретах от них на-

ливались вермутом двое челов, — и конец понизил голос:

— Если нужно, поставлю отклоняющее заклинание. И наш разговор не долетит до не подозревающих о Тайном Городе гостей даже теоретически. Виолиций, кстати.

И протянул пухленькую ручку.

— Шарп, — мужественно ответил Виталий.

— Случайно у нас?

— Какой ты наблюдательный, — кисло заметил наёмник.

— Не стоит стыдиться своего положения, — наставительно произнёс бармен. — В конце концов, ты жив, здоров и работаешь настолько успешно, что изредка можешь позволить себе бутылку вина в «Специальном приглашении». При этом ты добился такого положения, что тебя даже пускают к нам...

— Заткнись.

— Ты ведь не обиделся?

Виолиций показался наёмнику классическим тайногородским националистом, да ещё и снобом, каких мало, и Шарп решил, что следует его проучить.

— А ведь я тебя помню, — произнёс он, несколько театрально наморщив лоб. — Ты служил импресарио в группе...

— Я был импресарио группы, — блеснул глазами конец. — Служат артисты в театре, а я входил в элиту шоу-бизнеса...

— И там научился так чисто протирать стаканы после виски?

На этот раз блеску глаз конца могла бы позавидовать лазерная пушка из далёкой-далёкой галактики.

– Я вот сейчас, допустим, позову, например, Гришу Носферату, – недовольно произнёс Виолиций. – Скажу ему, предположим, что ты к посетителям лезешь, и буду долго смеяться, глядя, как тебя масаны на тридцать процентов подсушивают.

Прозвучало настолько многообещающе, что наёмник насторожился:

– Им разрешено подсушивать бузотёров?

– Имеют право.

– Круто. – Шарп усмехнулся. – Но ты зря обиделся. Я ведь от души спросил.

– Таким тоном?

– Извини, выпимши.

– Все вы, челы, алкоголики, или уже сформировавшиеся, или будущие, – вернулся к прежнему тону конец. – Толку от вас никакого, вас Спящий одновременно с тараканами придумывал. И с моим дядей.

– Загнобил тебя?

– Альбом последний провалился, – с печалью поведал Виолиций. – Думал, концертами отобью, а солист, стервец чокнутый, взял и в клинику улёгся, чтобы солисткой стать. А у меня проценты перед шасами капаят... Я к дяде... – Конец задумчиво посмотрел на бутылку коньяка, вздохнул, но пить не стал. – В общем, дядя мои долги выкупил, группу кому-то продал, а меня сюда отправил. Отрабатывать и ума набираться.

– Придавило тебя.

– Не то слово.

Виолиций направился к челам, а Шарп задумался.

У наёмников Тайного Города есть много правил, но главное из них гласило: не лезь не в своё дело. Никогда. Потому что это – твой страх и риск.

Контракт с Альфонсо закончился, как именно рыцарь хотел наказать обидчика и хотел ли вообще, Шарп не знал, но ему кровь из носу нужен был постоянный доступ в «Специальное приглашение», потому что серые глаза Маргариты не отпускали, манили...

И Шарп решился на мелкую ложь, которая, в принципе, не тянула на серьёзное нарушение Кодекса.

И когда Виолиций вновь вернулся к нему, наёмник небрежно поинтересовался:

– Скажи, тебе о чём-нибудь говорит имя: Альфонсо да Вега?

И поразился произошедшей с концом перемене.

– Зачем ты упоминаешь это имя?! – взвизгнул Виолиций, втягивая голову в плечи.

– Правила заведения запрещают упоминать имена? – притворно удивился Шарп.

– Я, конечно, знаю этого благородного рыцаря, но не имею к нему и его семье никакого отношения, – поспешил сообщить слегка пришедший в себя бармен. – А почему ты спрашиваешь?

– То есть у Альфонсо нет причин желать тебе зла?

– А он всё ещё желает?

Шарп, зажмурившись от искреннего удовольствия, маленькими глотками допил аперитив, вернул бокал на стойку и осведомился:

– Да что с тобой, братец?

– Ничего! – Виолиций трясся так, будто к нему подвели электричество. Казалось, ещё немного – и из оттопыренных ушей пойдёт дым. При этом его пухленькие пальцы сжались вокруг горлышка бутылки, а другая рука что-то нащупывала под стойкой.

– Уходи.

– Да я только спросил...

– Не приближайся ко мне!

– Неужели ты думаешь, что кто-то рискнёт тебя хоть пальцем тронуть в присутствии Носферату?

Но бармен ничего не думал – он боялся. И боялся, похоже, давно, потому что секунд через десять бессмысленного ощупывания стойки он вдруг врезал по ней кулачком и быстро заговорил:

– За что он меня так ненавидит?! За что?! Почему? Я ничего ему не сделал, клянусь! И с его женой, благородной и высокопорядочной Анжелой, женщиной дивной красоты, я никаких дел не имел! Вообще на нас постоянно клеветают! Даже поговорить ни с кем нельзя! Пообщаться! Бокалом вина перекинуться... – Виолиций всхлипнул. – А этот Альфон-

со – просто дикарь. Это он моего солиста с тем мужиком познакомил... Жизнь мне поломал, гад, бизнес тоже... Шоу-бизнес...

– Ещё наладится... наверное...

Шарп был не рад заведённому разговору: слишком уж неподдельный страх появился в глазах Виолиция при упоминании да Веги, и пользоваться этим страхом наёмнику было стыдно.

– Помоги мне! – Бармен лёг животом на стойку, видимо, вскочив на какую-то приставку, и заговорил тише: – Помоги мне, Шарп! Ты ведь наёмник, да? Ты можешь быть телохранителем?

Изначально именно это предложение и было вожацеленной целью Шарпа, но сейчас ему категорически не хотелось пользоваться плодом, который сам упал в руки.

– Я связан другим контрактом, – воспользовался универсальной «отмазкой» Шарп. – Кроме того, я понятия не имею, что тебе в самом деле грозит и грозит ли вообще.

– Цену набиваешь? – Конец едва не рыдал. – Бери всё! Всё бери! За выпивку платить не надо! Только спаси! – Он судорожно вцепился в руку наёмника. – Не уходи! Я хороший. Я нужен всем. Но кто меня спасёт? Дядя говорит, что у меня мания величия от безделья и я никому не нужен! Но разве я бездельник? Просто мне немного не везёт. Но скоро у меня будет новый проект, я сейчас тебе о нём не расскажу, но это будет бомба! Тогда я прославолюсь, тогда я щедро вознагра-

гражу! Я стану известен, дико популярен, и всякие Альфонсы будут сами приводить ко мне своих жён... А пока... Давай ты будешь заходить сюда по-свойски, а? Я договорюсь с охраной, они согласятся. А ты заходи иногда и рассказывай мне, как там Альфонс и что он задумал, а? Скушай сэндвич с индейкой.

– Не хочу.

– А с осетриной?

– Нет...

– А с квангой?

– Кванга – это мясо, которое поставляют осы, обитатели подземелий? – Шарп поморщился. – Нет уж, спасибо.

– Весь Тайный Город ест! Только навы и челы брезгуют... – расстроился Виолиций. – Но очень вкусно. И, кстати, это не крысы! Враньё. На самом деле это грибы такие, на вкус – как мясо! Шарп, миленький, помоги, а? Не получится – так не получится, я ведь контракт не прошу заключать. Помогите по-дружески, прошу. Ну, как свой своему, а? Будешь со мной до дома ездить по ночам после работы, поскольку мало ли что...

– Ну, не знаю... – Шарп тяжело вздохнул, причём – не играя, зато чувствуя себя немного мерзавцем, однако перспектива в любое время появляться рядом с Маргаритой перевесила всё на свете. – Договорились.

Наёмник вернулся к друзьям и остаток вечера постарался провести с удовольствием, тем более что тугой бумаж-

ник позволял толково погулять даже в «Приглашении». Под ужин пошла водочка, затем её сменило виски, затем что-то ещё, и как раз перед «что-то ещё» набравшийся Авиценна прогулялся до туалета, а вернувшись, сообщил, что сам Альфонсо да Вега однажды предлагал ему контракт на истребление местного бармена.

«Который тогда был импресарио каких-то педерастов...»

Из-за чего рыцарь взъелся на конца, Авиценна даже спрашивать не стал – и так понятно, и первоначально, сильно страдая от безденежья, едва не согласился, но, узнав, что речь идёт о племяннике Грация, передумал. А заодно посоветовал Альфонсо не связываться со всем известной семьёй, поскольку это могло бросить тень на его честь. Авиценна припомнил даже, как да Вега, хрустнув пальцами, прошипел: «В этом-то всё дело...»

Получалось, что зло лейтенант всё-таки таил...

На том вечер и закончился.

...День шёл за днем, неделя за неделей, но ничего толкового не происходило. Шарп регулярно являлся в «Специальное приглашение», и даже Григорий Носферату, шеф местной охраны, дружелюбно кивал наёмнику при встрече. То, что Шарп бесплатно кормится у шикарного бара, никого не смущало: это были проблемы Виолиция и его дяди, то есть дело родственное, внутреннее. Но ходил в «Приглашение» Шарп не ради бара и уж тем более не ради последующих провозаний боязливой концы до его квартиры в Крылатском

– наёмнику хотелось поближе познакомиться с Маргаритой, которая действовала на него куда сильнее любого рыцарского ликёра.

А девушка вела себя необычно: она приветливо улыбалась Шарпу, ничего не имела против того, чтобы переброситься парой слов, но близко не подпускала. Сколько ни приглашал её наёмник провести где-нибудь свободное время, он всегда получал отказ. И не он один: красавица привлекала многих посетителей, но Маргарита, или просто Маша, как звали её друзья, каким-то образом умела найти слова, отпугивавшие мужчин эффективнее любой охраны. И отпугивающие вежливо, дипломатично, поскольку все эти важные персоны с газетных фотографий и выпусков новостей, проспавшись, возвращались в «Приглашение» и обязательно дарили Маргарите цветы с просьбой «не помнить старого». Просьбы любезно принимались.

Первое время Шарп терял голову при каждой встрече с сероглазой красавицей, но постепенно взял себя в руки, понял, что кавалерийский наскок провалился, и приступил к планомерной осаде. Для которой требовалась информация. Но с этим, как выяснилось, дело обстояло настолько просто, что не было даже понятно, кто ввёл Маргариту в Тайный Город. Точнее, всё проделал лично Граций, но откуда он узнал о девушке и почему уговорил Великие Дома разрешить ему поведать ей правду, никто не знал.

Несколько раз Шарпу удавалось как следует напоить Ви-

олиция, однако даже в этом состоянии конец не мог рассказать то, чего не знал.

– Шарп, дружище, я думал, Маша – просто ведьма... Ну, может, не просто, может, какая-то особенная, но ни-че-го об этом не знаю, клянусь!

– А может быть... – Шарп даже губу прикусил от стыда, но ему нужно было знать. – Может быть, между Грацием и Машей что-то было?

– Смеёшься?! – Виолиций всплеснул руками. – Сто сорок шесть процентов, что нет. И это странно, потому что дядюшка ни одной юбки не пропускает, несмотря на возраст, и я могу тебе о нём столько всего порассказать, что ты от зависти помрешь. Но с Машей у него точно ничего не было, и я не знаю, почему.

– А у тебя?

– А у меня? Ну, пару раз к ней подкатывал и так же откатывал, – сообщил вконец пьяный кóнец, подбирая слюни. – У неё, похоже, иммунитет против нашей семейной тайны.

Вот так Шарп и докатился до того, что ему, мужчине тёртому и виды выдававшему, начала сниться метрдотель «Специального приглашения». Причём сниться каждую ночь, но всегда по-разному. Причём иногда так «по-разному», что на следующий день наёмник боялся встретиться с Машей глазами – казалось, что она вспыхнет и залепит ему пощечину. А иногда сны оказывались красивыми и даже романтическими, и от них становилось светло и тепло на душе. Они дари-

ли надежду, что, может быть, когда-нибудь они возьмутся за руки и медленно пойдут по набережной...

– Пригласи её куда-нибудь, сколько можно тянуть-то? – сказал как-то раз Диггер, которому Шарп приоткрыл душу. – Хватит девок смешить. Клара уже анекдоты про тебя рассказывает.

– Так заметно?

– Да с первой секунды было заметно, и с тех пор ничего не изменилось. Что тебе мешает всё выяснить?

– Я почему-то робею... – Шарп никогда не думал, что сможет о себе такое сказать. – Это даже странно. Я боюсь, что если сделаю какие-то шаги навстречу, а она меня оттолкнет, то всё кончится. Это понятно, все боятся в такой ситуации – потом-то уже ничего не выйдет, придётся отвалить! Но пока что-то ещё остаётся.

– Есть такой напиток, особенный, – понизил голос Вовка. – В общем, буквально пятьдесят граммулек, и... Хоть к фее, хоть к фате! Да и к королеве подойдёшь, вообще никаких тормозов не остаётся!

– Ты бы поменьше увлекался такого рода напитками, – посоветовал Шарп. – При чём тут все эти тонкости, если я с собой не могу разобраться? Ты про неё узнал что-нибудь?

– Сам узнавал и Клару просил и Берту – ну, раз уж ты почему-то стесняешься. Неприметная твоя Марго. В школах Зелёного Дома она не обучалась, документы ей выправили личным указом королевы, а поручителей у неё было

двое: Граций и... твой нынешний работодатель Равиш Турчи. Красиво?

Два пожилых, богатых и независимых дельца.

– Ещё и Равиш! – фыркнул Шарп, тут же испытал к шасу чувство глубокой неприязни. – Этому что от неё понадобилось?

– Может, попробуешь сам узнать? – Диггер заржал. – Шарп, да это ж, можно сказать, твоя профессия! Причём на Равиша ты работаешь, а с Маргаритой чуть ли не каждый вечер видишься! Неужели так трудно спросить?

– Да ну тебя! – Шарп подозвал официанта, чтобы рассчитаться. – Говорю же, что-то мешает. Никогда я не был таким.

– Говорят, с каждым однажды случается!

– Клара говорит, а Клара – дура! – ответил наёмник, покидая заведение. – Сериалов надо меньше смотреть твой Кларе!

И всё же надо было что-то делать, ведь внутреннее состояние сказывается на работе, а этого профессионал себе позволить не может.

В Мумбае он, оглянувшись на девушку в парандже, от которой пахло духами, похожими на те, что любила Маргарита, едва не получил ножом в печень. Отбился, конечно, но понял, что «звоночек» прозвенел нешуточный, и убедил себя в том, что дальше так продолжаться не может. Серые глаза недоступной красавицы делали Шарпа слабым, следовало как можно быстрее разрубить этот узел, и поэтому пе-

ред работодателем наёмник предстал не только с докладом о поездке, но и с продуманным разговором о Маргарите, с которого и решил начать:

– Равиш, я могу называть тебя другом?

Дурацкий план разговора предполагал любой ответ, хоть «да», хоть «нет», потому что после него наёмник планировал начистоту рассказать о своих чувствах к Маргарите и потребовать объяснений, но... Но хитрый шас, как часто случается при общении с представителями этой семейки, нашёл собственный выход из положения:

– Со всем уважением, Шарп, но я отвечу на твой вопрос как-нибудь потом, – гнусаво произнёс он, улыбаясь наёмнику, как ростовщик – монетке. – Сегодня я решил тебя уволить, так что время для дружбы, как ты понимаешь, совсем неподходящее.

– Что?

– Срок контракта истёк, и я его не продлеваю. Предвосхищая любые вопросы: ты отличный специалист, с тобой приятно сотрудничать и всё такое прочее, но сфера моих деловых интересов переносится в другой регион, а там ты мне не помощник.

– Но... – К такому повороту наёмник был совершенно не готов. Ему казалось, что их сотрудничество развивается более чем успешно. – Но разве мои командировки не приносили выгоды?

– Что ты! Одни убытки! – Равиш поджал губы и ткнул

пальцем в экран компьютера, на котором высвечивалась незнакомая Шарпу таблица. – Ты бы увидел, какое разорение мне принёс, если бы мог понять бухгалтерию шасов. В общем, никакого выходного пособия, и не заикайся. Впрочем, ты ведь мне тоже почти ничего не должен.

– Что значит – почти?! И погоди, что значит – «без выходного пособия»? – Шарп набычился. – У нас был полноценный контракт!

– А бесчисленные мини-бары, которые ты опустошал во всех отелях?

– В контракте было сказано, что фирмой оплачиваются все мои траты на дорогу, проживание и питание! Причём питание – без ограничений, я этот пункт особо оговаривал!

– Да, хитрый Шарп, оговаривал, – кивнул, улыбаясь, шас. – И поэтому в понятие «питание» ты ввёл не только всю твёрдую, но и жидкую пищу. К сожалению, согласно сложившейся адвокатской практике Тайного Города, «пищей» могут называться лишь полезные для организма вещества, а любой алкоголь, что общеизвестно, – яд. А за яды ты должен платить сам, поскольку я не хочу распугивать клиентов и заинтересован в сильном, смелом и неядовитом сотруднике.

– Этот яд на меня не действовал!

– Кроме того, некоторые виды пищи, которые ты принимал, тоже трудно не назвать ядом. Ну хоть бы даже... – Равиш набрал что-то на клавиатуре и всмотрелся. – А, нет, это у меня есть другой любитель дряни. Извини, ошибся, это

твой коллега из Китая... Его ждёт большой сюрприз! А впрочем... Вот посуди, Шарп, все эти тонны стейков, которые ты в себя запихивал: полезны ли они для организма? Современная человеческая наука на этот счёт имеет массу самых разных точек зрения, и если бы мы судились, я мог бы рассчитывать на вполне уважаемых экспертов.

– Не будем судиться, – мрачно произнёс Шарп, прекрасно понимая, чем всё закончится в этом случае. Он знал тактику шасов: сначала предложить более-менее приемлемый компромисс, получить отказ, надавить как следует и заграбастать от обрадованной прекращением войны жертвы вдвое больше. – Ну тебя ко всем чертям, судиться с тобой! Уже и кормить работников не хочешь!

– Ты должен был согласовать со мной диету.

Тупик.

Наёмник вздохнул. Шас поддержал его не менее трагическим звуком. Наёмник попытался пробиться сквозь тьму чёрных глаз дельца. Тьма чёрных глаз вежливо посмеялась над попыткой. Увольнение состоялось.

– Равиш, чтобы между нами не было обид, просто ответь мне откровенно на один вопрос.

– Если бы я каждому, кто на меня работал, откровенно отвечал на один вопрос, то весь Тайный Город уже знал бы обо мне всё. – Шас поджал губы. – Но я тоже хочу расстаться без обид, поэтому готов уделить тебе ещё немного времени и подумать над твоим вопросом.

– Маргарита, метрдотель из «Специального приглашения»... Ты помогал ей войти в Тайный Город, да? Стоп, это не вопрос! – опомнился Шарп. – Вопрос такой: как вообще она сюда попала и что в ней особенного?

Прежде чем ответить, Равиш с минуту рассматривал что-то на потолке, барабанил по столу пальцами и шевеля губами, словно подсчитывая, принесут ли его следующие слова прибыль, а если не принесут, то почему.

– Это два вопроса. Для ответа я выбираю первый, и ты сам обещал: между нами будет без обид! – Терять насовсем толкового эмиссара Равиш не хотел – мало ли как всё обернется и где понадобится помощь сообразительного чела. В следующий раз Шарп, конечно, будет осторожнее при заключении контракта, но шас знал много способов защитить свои интересы за счёт интересов наёмника. – Маша девушка хорошая, толковая, приехала в Москву давно. А я оказал содействие, потому что об этом попросил меня один мой друг.

– И что же это за друг? – Шарп почувствовал, что у него деревенеют мышцы живота. Он и понятия не имел, что такой ревнивый! – Зачем ему понадобилось вводить Маргариту в Тайный Город?

– Это третий и четвёртый вопросы. – Шас с сожалением поцокал языком. – Знал бы я, что ты такой любопытный, вообще не платил бы, а лишь удовлетворял твою любознательность. Но в данный момент я в твоих услугах не нуждаюсь, так что придётся тебе обождать со следующими ответами.

Ступай, наёмник Шарп, я был рад тебя видеть.

– Премного благодарен! – буркнул Шарп, покидая кабинет.

– Я твой добрый приятель! – успел крикнуть шас. – А ты – мой! Взаимное доверие – залог успешного бизнеса!

– Да чтоб ты провалился со своим бизнесом! – пожелал наёмник, уже глядя на секретаря Равиша, крепко сбитого шаса в костюме-тройке. – В смысле не ты, а этот твой... Патрон.

– Как я вас понимаю! – осклабился секретарь. – Главное – не судите обо всех шасах по отдельным представителям семьи! В действительности мы – весьма доброжелательный народ.

«Да ты, если присмотреться, ещё хуже будешь, когда в возраст войдёшь!» – подумал Шарп, но вслух ничего не сказал.

Разрыв деловых отношений с Рувишем сильно подкосил его финансы: Шарп привык жить, не заботясь о случайных тратах, а некоторая скромность в больших вложениях, которой наёмник втайне гордился, теперь обернулась неприятной стороной: он так и не купил квартиру, а ведь её можно было бы сейчас продать, и не обзавелся ничем, что мог бы обратить в хоть сколько-то значительную сумму.

Между тем Виолиций, наливая наёмнику очередной стакан в «Специальном приглашении», уже смотрел на него предельно выразительно. И взгляд сей говорил:

«Опасность явно миновала, а ты ничего для меня не сде-

лал! Почему я должен тебя поить, рискуя расположением дя-
дюшки Грация, который и так меня терпеть не может?»

Пока эти слова читались лишь во взгляде бармена, но, учитывая, что Шарп вступил в чёрную полосу, скоро Виолиций произнесёт их вслух, и тогда в лучшем случае ему придётся выпивать в «Специальном приглашении» за свои, что окажется весьма накладным удовольствием... А не приходиться в клуб невозможно, поскольку расстаться с Маргаритой выше его сил...

Вернувшись от Равиша, наёмник стал набрасывать планы стремительного обогащения. Или хотя бы получения приемлемого дохода, однако ничего путного не придумал. В Тайном Городе, как назло, наступило затишье после довольно бурной зимы, и услуги квалифицированных специалистов требовались лишь в исключительных случаях. На помощь друзей особо рассчитывать не приходилось: они не входили в элиту человеческих наёмников и перебивались средними контрактами. Это у Кортеса в клиентах сам Сантьяга, на выплаты которого можно себе позволить даже приобрести остров на Карибах...

Шарп уж совсем было решил поинтересоваться вакансиями вышибал, но позвонил Альфонсо да Вега и предложил встретиться.

Выбирать не приходилось.

Глава 3

Охотник, дичь, гончая

Да Вега назначил встречу в небольшом и недорогом кабачке, неподалёку от метро «Электrozаводская», вот Шарп и поленился возвращаться домой за ключами от машины: и ехать без пересадок, и от станции два шага. Конечно, рыцарь мог проследить за наёмником и заподозрить его в некредитоспособности, что наверняка сказалось бы на итоговой сумме гонорара, но... Но все знали, и люди, и нелюди, что автомобильная Москва являла собой отражение ада, и многие обладатели приличных машин спускались в метро, чтобы избавиться от пробок.

Оставалось лишь вести себя подобно обладателю приличной машины, что, несмотря на наличие у него именно такой машины, было для Шарпа немного затруднительно: последние удары подкосили уверенность наёмника, и в глубине души он чувствовал себя неудачником.

А значимые клиенты избегают серьёзных дел с неудачниками.

...Выбравшись на поверхность, Шарп добрался до указанной ресторации, которая оказалась не только обычной, человской, но и далеко не из лучших, вздохнул по дороге: «Разумеется, с таким неудачником, как я, надо встречаться где

поплоше...», вошёл, взглядом отыскал да Вегу, и... и едва не расплылся в довольной улыбке, увидев на столике перед рыцарем два стакана – это был хороший признак.

«А может, вежливо отказаться? – подумал он, приближаясь к чуду. – Мол, для профессионала слишком рано начинать... Или он подумает, что я напряжён и чем-то озабочен? Проклятье, я совсем занервничал! А этот злобный дурак, может быть, опять предложит мне кого-нибудь убить! Ох, кажется, я уже понимаю, как наёмники докатываются до таких поручений».

– Ты без работы, – сообщил Альфонсо вместо приветствия.

И это было плохим признаком.

Судя по всему, на встречу он явился прямо с дежурства в Замке, даже переодеться не успел, и потому был вынужден скрывать рыцарскую одежду от обычных челов заклинанием морока. Иначе бы возникло слишком много вопросов к бордовому с золотом камзолу, ботфортам и тёплому чёрному плащу с капюшоном, покрой которого отсылал к Франции Средних веков. Мизерные магические способности Шарпа позволяли видеть истину без «различителя», но это было пределом его возможностей.

– Равиш тебя выгнал.

– Для толкового наёмника работа всегда найдётся.

Шарп присел и с некоторым разочарованием обнаружил, что оба стакана скуповатый рыцарь приготовил для себя,

причём первый уже успел и выпить.

— Может, ты и толковый, но сейчас в аховом положении, — поморщился чуд. — К тому же ваша, человеческая, толковость весьма сомнительна.

— Зачем же позвал?

За несколько лет пребывания в Тайном Городе Шарпу приходилось не раз и не два выслушивать нытьё по поводу глупости, слабости, бестолковости и прочих способностях, точнее, их отсутствия у челов, и это ему изрядно надоело.

— Позвал, потому что за работу вы, челы, берёте недорого... Кроме Кортеса, конечно... Не к ночи будь помянут... — Вспомнив о самом известном и авторитетном человеческом наёмнике Тайного Города, Альфонсо так разволновался, что даже быстро оглядел через плечо зал ресторанчика, но ни самого Кортеса, ни кого-либо из его команды не обнаружил. — В общем, я знаю, что ты будешь рад моему предложению.

— В чём оно заключается? Или я должен догадываться?

Шарп не забыл о финансовой пропасти, в которую его отправил Равиш, однако самолюбивый болван, сидящий напротив, начал его доставать.

— С чего это ты разговорился?

— С того, что, судя по косвенным признакам, ты хочешь поручить мне какую-то непотребную ерунду, да ещё и за копейки.

— Лёгкое косоглазие стало следствием боевого ранения, и если ты ещё раз позволишь себе хихикнуть над ним, я тебя

убью.

– И в мыслях не было.

– Я не терплю слова, начинающиеся на «кос-».

– Буду знать.

Да Вега бросил на наёмника недовольный взгляд, залпом допил стакан и вытер усы тыльной стороной ладони. Никогда раньше Шарп не замечал у рыцаря «лёгкого косоглазия», не увидел и сейчас, как ни присматривался, и пришёл к выводу, что за прошедшие годы лейтенант гвардии позволил себе слегка спятить. Возможно, на почве так и не отомщённых рогов...

Мысль оказалась пророческой.

– Я хочу, чтобы ты проследил за Виолицием.

– За кем? – Предложение прозвучало весьма ожидаемо, однако наёмник сумел изобразить удивление.

– За тем придурком, который ошивался вокруг моей жены, – хмуро уточнил Альфонсо. – И не говори, что ты его не знаешь. Или забыл.

– В общем, забыл, конечно, – не стал скрывать Шарп. – Но как раз недавно увидел его и вспомнил. Он теперь барменом служит в «Специальном приглашении». Только не в главном баре, который золотом отделан, а в маленьком...

– Я знаю, где он работает, – кивнул рыцарь. – Неудачник...

Последнее слово прозвучало с такой злостью, что наёмник счел за благо его не комментировать. И ещё он понял, что однажды развесёлый Виолиций поставил не на ту лошадь...

Иносказательно говоря, разумеется...

– Ты ведь понимаешь, что я не могу болтаться в «Специальном приглашении» просто так, без дела?

– Скажи проще: тебе не по карману! – коротко рассмеялся Альфонсо. – Но тебе и не нужно быть рядом с уродом постоянно. Только в те моменты, когда я укажу. И на этот случай ты будешь получать небольшие суммы на расходы. Всё понятно?

– Э-э...

– Неужели что-то неясно? Ты совсем отупел за эти годы?

– Острота интеллекта определяется кругом общения.

– Э-э...

Некоторое время мужчины молчали, обдумывая сказанное и услышанное, после чего рыцарь заметил:

– На твоё счастье, мы давно не общались.

И Шарп с ним мысленно согласился. В противном случае после сгоряча сказанного он мог запросто отправиться домой по частям.

– Короче, работа Виолиция меня не волнует, когда он будет в баре, ты можешь спать. Но как только он выходит из «Приглашения» – ты становишься его тенью... Ты часто бывал в баре? Успел примелькаться?

– Уверен, что нет, – соврал Шарп, испугавшись, что потеряет заказ. – Там много клиентов.

– Ну вот, – облегчённо вздохнул Альфонсо. – Вот и всё. Срок контракта определять не станем, следи за ним до осо-

бого распоряжения. И каждый день присылай по почте отчёты.

– Есть что-нибудь, на что я должен обратить особое внимание?

Рыцарь прихватил себя пальцами за нижнюю губу и задумался. Воспользовавшись паузой, Шарп подозвал официантку и заказал кофе. Его принесли не так уж быстро, и всё это время взвинченный Альфонсо осуществлял напряжённую умственную деятельность, взвешивая, прикидывая и вычисляя одному ему известные факторы. И лишь когда наёмник выпил половину чашки, рыцарь оставил губу в покое и вновь подал голос:

– Пожалуй, ты прав, чел: чтобы не упустить ничего важного, ты должен знать чуть больше, чем твой телефон.

– Спасибо.

– Не перебивай меня.

– Извини.

Да Вега качнул головой, но развивать тему не стал и продолжил по делу:

– Есть предположение, что Виолиций затеял роман с женой моего руководителя, командора войны Готфрида Лихтенштайна, Роксаной. Но если хоть кто-то узнает, что я нанял чела следить за ней, ты... Я тебя не убью. Сразу. Зато заставлю годами жить в аду, пока не сдохнешь. Понял? Тем более что я и не нанимаю тебя следить за ней, ты этого просто не сможешь. Следи за концом.

– Командор войны Готфрид Лихтенштайн весьма значительная фигура, – задумчиво протянул наёмник, поигрывая щербатой чашкой. Щербатая. Плохая примета. – Это опасная игра, Альфонсо, ему не понравится, если...

– Чтобы никакого «если»! – Да Вега ударил по шаткому столику рыцарской рукой, и кофейное блюдечко взлетело в воздух.

– Я хочу сказать, что в нашем деле риск – главный фактор для расчёта стоимости услуг, – откликнулся Шарп, поймав блюдце в воздухе. – Я не отказываюсь от задания. Если мы сойдёмся в цене, то я готов.

– Сойдёмся! – рыцарь скривился. – Для наёмников так же, как для шасов, главное – деньги, так что мы сойдёмся, наёмник Шарп. И не трусь, Роксана сама сделает всё, чтобы супруг её не поймал, а значит, и ты будешь в безопасности. Она – та ещё штучка... Проклятая кобыла, позор для всей расы! Она и такие, как эта стерва...

Ещё несколько секунд да Вега посылал проклятия в адрес госпожи Лихтенштайн, а Шарп допивал кофе и обмозговывал услышанное.

Связываться с Лихтенштайном и проверять на собственной шкуре слухи о его несдержанности наёмнику категорически не хотелось, но ведь контракт-то они заключат на слежку за Виолицием, а не за женой командора, а значит, с точки зрения Кодекса, он никак не оскорбляет командора. Юридически всё чисто, но взбешённый Лихтенштайн ещё

должен вспомнить о Кодексе в тот момент, когда начнёт искать, кого бы порвать в клочья, и в том, что его память срабатывает должным образом, имелись определённые сомнения... Но при этом не следует забывать об интересах Альфонсо. Вряд ли лейтенанта заботит честь начальника, скорее, он хочет его подсидеть и опорочить, вытащив на свет божий информацию о связи Роксаны с шаловливым концом... С третьей стороны, противостоять шаловливым концам женщины не способны по определению, даже в предельно консервативном обществе Ордена это начали понимать ещё лет триста назад и смотреть на подобные безобразия сквозь пальцы. То есть коллеги по боевому колдовству посмеются над Лихтенштайном, но и только, на карьере командора войны неверность супруги вряд ли скажется...

Или скажется?

От обилия вариантов, интересов и прочей подковёрной политики у наёмника даже голова разболелась, и захотелось ещё кофе.

«И вообще, что за глупости? Почему я нервничаю?! – торжествуя завершил собственные рассуждения Шарп. – Почти все женщины дома Чудь не имеют ни малейшего желания изменять мужьям! Скорее всего, и командорша такая же. Всё это сплетни и рассказы самих концов. Вот мужская половина Ордена горазда таскаться за кем придётся, и никаких угрызений совести при этом доблестные рыцари не испытывают. Так что дело, скорее всего, кончится ничем, как

и предыдущая моя работа для Альфонсо – пшиком. Да Вега явно параноик, и хотя, конечно, грех брать деньги с убогих, но в данном случае можно сделать исключение».

– И ты себе не представляешь, сколько я готов тебе заплатить, если получу то, что хочу.

– Отчёт? – не понял Шарп.

– Видеоотчёт, – уточнил рыцарь.

– Не понял? – Шарп почувствовал, что многого не учёл, но ещё не понимал, чего именно. – Как это – видеоотчёт?

– Обычный, не магический! – повторил Альфонсо. – Ну, чтобы было снято на обычный телефон или камеру... В общем, как хочешь, только без колдовства. Это обязательно. Мне нужно, чтобы с самого начала всё было чисто в этом отношении. Никакого следа Тайного Города!

«Хочет выдать за случайную съёмку какого-нибудь стрингера или вроде того... – догадался Шарп. – А зачем? Чтобы отвести от себя подозрения. Если командор узнает, что к освещению позора его жены имеет отношение да Вега, в Ордене станет на одного Альфонсо меньше. А так – рыцарь ни при чём... И я тоже. Ну не отважится же наёмник Тайного Города шантажировать жену такой персоны!»

Альфонсо тоже чем-то терзался. То ли он сказал больше, чем собирался, то ли не решил чего-то окончательно для самого себя. Игра и впрямь выглядела весьма опасной, и какая-то малодушная часть Шарпа снова заняла: «Вот бы он сейчас сказал: забудь, я всё отменяю!» Но сердце – кажется,

это было оно, – решительно возмутилось: «Маргарита! Тебе нужно видеться с ней, чтобы решиться, в конце концов, заговорить и выяснить отношения! А для этого нужно ходить в «Приглашение», а для этого нужны деньги».

– Контракта не будет, – решительно заявил рыцарь. – Я имею в виду – официального. Ни текста, ни произнесения формулы. Договорённость – только между нами и только на словах.

– Но как же...

– Как я сказал, и никаких «же»! – мгновенно рассвирепел Альфонсо. – Шарп, ты уже слишком много знаешь, дошло до тебя? Всё, не смей со мной спорить. Вот твой аванс!

На стол упала карта и, завертевшись, сама скользнула Шарпу в пальцы. Он машинально схватил её и – что терять? – достал смартфон, чтобы проверить остаток. Сумма выглядела более чем симпатичной и нехарактерной для скуповатого лейтенанта.

– И помни, Шарп: если что, я тебя... – Рука Альфонсо сжалась в кулак. – Я смогу воссоздать для тебя самые страшные кошмары.

– А-а...

– А если всё пойдёт хорошо, ты будешь как сыр в масле кататься. – Альфонсо ласково улыбнулся Шарпу, и тот едва подавил желание отодвинуться от беспощадных карих глаз подальше. – Я – твой друг и покровитель. И дай мне свой телефон.

Впрочем, последнее предложение прозвучало данью вежливости: рыцарь просто протянул руку, взял со стола устройство и принялся жать на какие-то кнопки, одновременно шепча заклинания. Объяснять свои действия он не собирался, лишь о результате сообщил:

– Теперь нас никто не прослушает.

– Даже «Тиградком»?

– Ну... – По общему мнению, маги-хакеры, работающие в телекоммуникационной компании Тайного Города, могли взломать любое устройство, поэтому рыцарь чуть осадил: – Они – могут. Но до их участия в нашем маленьком расследовании дело не дойдёт.

– Надеюсь.

– Трус.

– Чел.

– Это я и имел в виду.

Шарп вздохнул.

– А для главной съёмки купи другой аппарат, – распорядился да Вега. – Но не шикай, выбери что-нибудь простенькое, обычное. Ну, или... Ты должен знать, что используют для съёмок челю! На что снимают то, что Служба утилизации потом обзывает «челябинским метеоритом» или «русской подлодкой у Стокгольма»?

– На телефоны и снимают, – пожал плечами Шарп. – Или на автомобильные видеорегистраторы.

– На автомобильные? – Рыцарь сплёл пальцы. – Нет, так

они вряд ли подставятся... Купи, значит, какой-нибудь телефон прямо сейчас. Ты должен быть готов в любой момент.

– Да понял я! – Наёмник терпеть не мог зануд и занудства. – Несу дежурство в «Специальном приглашении», таскаюсь за Виолицием после его работы. Если появляется Роксана Лихтенштайн, сообщаю вам. И всегда на связи.

Альфонсо посмотрел на Шарпа с таким сомнением, что наёмник не сдержал кривой ухмылки. Которую тут же, пока не случился очередной расистский выпад, отнес к следующему вопросу:

– А если ничего не случится? В смысле, если Роксана не появится?

– Появится, – с уверенностью, которая выдавала в нём давно и прочно обманутого мужа, ответил Альфонсо. – Проваливай.

И Шарп с радостью исполнил официальное распоряжение нанимателя.

* * *

Работа наёмника, когда он о ней рассказывает, изобилует тайнами и опасностями. Но девушки, которых наёмники таким образом пытаются охмурить, даже не представляют, что это за тайны и каковы опасности. Им видится высокая политика, совмещённая с поединками, и такое действительно случается. Но куда чаще под тайнами понимаются личные

и деловые секреты, а под риском – шанс нарваться на пулю в спину или оказаться лицом к лицу с разъярённым «объектом», тоскливо матеря про себя сбежавшего работодателя.

«В плюсе: деньги и возможность разобраться в моих чувствах с Машей. Вот сегодня же поговорю! – рассуждал Шарп на пути к метро. – Минусы: я влез во внутренние разборки чудов, и случись что, защищать меня никто не станет... Ах да, ещё я теперь слежу за Виолицием, которого обещал охранять за дармовую выпивку... Неудобно получается...»

Однако душевные терзания не помешали наёмнику заняться неотложными делами.

Первым делом он заскочил к знакомым шасам и купил несколько артефактов, как нужных для предстоящего расследования, так и «условно нужных», то есть которые, «возможно, потребуются», то есть те, которые Шарпу давно хотелось купить, да всё недосуг, а тут такое дело – рыцарь платит.

Затем наёмник отправился на «Горбушку», смешался с толпой, побродил по лавкам, убедился, что поблизости нет ни одного жителя Тайного Города, незаметно запустил артефакт морока, превратившись для окружающих в хмурую полную тётку с крашенными под блондинку волосами, и под этой личиной купил за наличные простенький телефон с достаточно приличной видеокамерой.

Заодно попросив Спящего, чтобы она ему не понадобилась. Наёмник не имел ничего против того, чтобы подработать, посидеть в баре за счёт да Веги, но искренне считал,

что наилучшим результатом его расследования станет отсутствие результата.

«Ну, пожалуйста, сделай так, чтобы Роксана отвергла ухлёстывания Виолиция... Или чтобы Виолиций не заинтересовался Роксаной... Или чтобы вся их связь оказалась плодом воображения Альфонсо...»

Однако Спящего Шарп упрасивал уже по дороге в «Специальное приглашение» и последнее предложение произнёс, переступая порог и со всей возможной невозмутимостью кивая молчаливым, держащимся в тени Носферату.

А ещё через секунду от невозмутимости наёмника не осталось и следа – он увидел Маргариту. Которая, чуть приподняв брови, скептически оглядела его гардероб. Проклятье! Шарп ведь сегодня не собирался в клуб и выглядел весьма демократично.

– Вы сегодня хороши, как никогда! – пробормотал он, пытаясь сгладить ситуацию.

– А я думала, что всегда идеальна... – Она остановилась и прищурилась так, словно прикидывала, как давно он не брился. Глядя на её пушистые ресницы, Шарп искренне захотел оказаться где-нибудь в другом месте. – Иногда мне кажется, что вы хотите со мной о чём-то поговорить, а вот сейчас – что хотите уйти.

– Я... Я к Виолицию, – вырвалось у наёмника. – В смысле, я к Виолицию в бар.

– Вы, я смотрю, крепко сдружились, – хихикнула Марга-

рита.

– Разве это плохо?

– Смотря чему вы у него научитесь... – Шарп вспыхнул и только теперь сообразил, что о его дружбе с концом могут ходить самые разные слухи. Например, что пытливый чел пытается разжиться у прирождённого дамского угодника необходимым опытом... – Но вы ступайте по своим важным делам, а мне пора сдавать смену. Увидимся!

– Увидимся, – пробормотал наёмник.

Маргарита развернулась, он уставился на её изящную фигурку, а она обернулась как раз в тот момент, когда его взгляд опустился чуть ниже спины! Ну что за невезение?! Шарп покраснел, как рак, выдал из себя беспомощную улыбку и неожиданно произнёс:

– Маша! Я могу пригласить вас пообедать? Хотя бы здесь?

«Идиот! Ну кто же станет обедать там, где работает, да ещё со мной, да ещё после такого, да ещё небрит, и вообще она разрешала называть её Машей или нет, и...»

– Если дождётесь у бара, то я скоро приду! – Девушка легко улыбнулась, махнула рукой и исчезла за дверью.

А Шарп торопливо бросился к «своему» бару.

«Выпить! Выпить и понять, что происходит! О чём ты с ней будешь говорить, урод, ну о чём?! Да тебе легче с тремя хванами на «стрелке» говорить, чем с ней!»

Кивнул Виолицию – тот был занят обслуживанием каких-то чело́в, то ли министров, то ли генералов, – и уселся

на табурет рядом с молодым шасом, похожим на топ-менеджера солидной похоронной конторы.

– Рад вас видеть!

– Взаимно, – отрывисто ответил наёмник, не подумав, с какой это стати к нему обратился незнакомец.

– Вы меня не помните?

– А должен?

– Я – Рут, внук Равиша...

– И его секретарь! – Шарп крепко пожал протянутую руку. – Извини, не узнал, богатым будешь...

– Надеюсь.

– Вы не надеетесь, вы для этого живёте.

– И это правда.

С Равишем наёмник всегда общался один на один, без свидетелей, и часто – поздними вечерами, в пустом офисе, а то и вовсе в ресторанах, поэтому к секретарю старика особо не приглядывался. Ну, сидит какой-то за столом в приёмной, ну, приносит бумаги и кофе...

– Как поживает ваш уважаемый дедушка? У него случайно не пошатнулся бизнес?

– Вы шутите? – Шасы плохо переносили намёки на разрушение бизнеса, даже в переносном смысле.

– Ха-ха-ха... Конечно.

– Я так и подумал. – Рут ехидно прищурился. – Понимаю вашу обиду, но вы должны понять: коммерческая необходимость превыше всего. Дед решил, что индийское направле-

ние перенасыщено, и переключился на другие рынки.

– Другие рынки? – Шарп обиженно хмыкнул. – «Индия» – это же не только Индия как таковая, это огромный регион! Индокитай, Гималаи... Индонезия совсем слабо разработана, а я почти вышел на след гарнитура, которому семь тысяч лет!

– Не будьте наивным... Виолиций, друг мой! Угости господина Шарпа тем, что он обычно пьёт! – Шас подмигнул наёмнику и закончил: – За мой счёт, разумеется!

– Чему обязан? Я, вообще-то, не девушка и вполне кредитоспособен.

– Не сомневаюсь, но вот у Виолиция дела не так хороши... Его дядя на днях провёл внезапную ревизию и выяснил, что из бара куда-то утекло изрядное количество спиртного... Вы ведь знаете Грация, дядю Виолиция? Порой он бывает таким шумным...

Наёмник покосился на печальную, как будто её вымочили в растворе тоски, физиономию конца и понял, что дармовая выпивка закончилась.

– Но я, если позволите, продолжу о мебели. Когда вам говорят, что гарнитуру семь тысяч лет, то в самом лучшем случае перед вами трехтысячелетняя подделка.

– Трехтысячелетняя подделка? – повторил наёмник, сделав упор на возрасте.

– Дешёвка! – радостно подтвердил Рут. – Особенно когда дело касается Индонезии.

– Вы смеётесь?

– Это очень старый трюк, который неоднократно проделывали задолго до нас... – Шас делано зевнул. – Однажды некто понимает, что эры и века сменяются, а интерес к старине и предметам обихода остаётся, и подержанные вещи – соответствующего качества, разумеется, – непрерывно растут в цене. Этот сообразительный некто ненадолго открывает цех для трудолюбивых местных жителей, по дешёвке создаёт запас предметов: мебель, украшения, «священные сосуды», статуи и прочая дребедень, и надёжно их консервирует на длительное время, чтобы наследники смогли неплохо разжиться.

– Длительное время – это сколько?

– Чем больше, тем лучше! – махнул рукой Рут. – Деньги могут обесцениться, однажды даже золото стало ненадёжным – в эпоху расцвета Алхимии, – а вещи, если их правильно подобрать и хорошо сохранить, приносят колоссальную прибыль. Представьте: Раннее Средневековье, дикость, вши, феодалы жрут в одном зале с собаками, тут же спят и тут же, извините, справляют нужду. И вот среди этого гадючника появляется молодой, образованный... бизнесмен, который на пару с талантливым скульптором создаёт кучу римских статуй и закапывает их в укромных местах. Представили? В девятнадцатом веке их выкапывают и впаривают чела́м под видом античных сокровищ. Доказать подделку практически невозможно. Потомки рыдают от счастья и ставят об-

разованным предкам памятники в натуральную величину в античном стиле.

– Элегантно.

– Рутина на самом деле, – отмахнулся Рут. – Весь фокус в грамотном планировании.

– Нам, челам, об этом беспокоиться не следует.

– Не скажите! – не согласился молодой шас. – Челы живут быстрее, но и предпочтения у них быстрее меняются. Когда-то «Битлз» пели за гроши и за гроши же были готовы продавать какие-нибудь вещи, отдавать свои первые инструменты просто в обмен на новые, а автографы вообще раздавали бесплатно. Теперь, насколько мне известно, кое у кого скопилась огромная куча этого барахла, и всё, что ему остается делать, – не ронять рынок, не выбрасывать помногу. Ныне живущие челы, займись тогда подобным бизнесом, сейчас озолотились бы, и у некоторых, кстати, получилось заработать, но, насколько я понимаю, случайно.

– Ну... – Шарп попытался вдуматься в смысл произнесённого Рут. Между тем Виолиций поставил перед ним стакан, но тут же отошёл к клиентам. – Это же «Битлз»! Кто тогда мог угадать?

– Тот бизнесмен, который это делал, не угадывал! – рассмеялся Рут. – Правда, ему помогли определиться с волной грядущей популярности определённого типа музыки, но дальше бизнесмен сам понял, к чему приведёт очередное человеческое помешательство, вложил небольшие средства,

свёл вместе нескольких перспективных музыкантов... Конечно же, он не ставил на одних только «жуков», не клал все яйца в одну корзину и финансировал несколько групп. Или, как модно ныне выражаться, стартапов. Расходы на начальном этапе оказались больше запланированных, но единственный верный выстрел тысячекратно их окупил.

– Да этих групп было как собак нерезаных! – заспорил Шарп. – Как тут угадать, какая прославится?

– Надо было покатить снежный шар с горы, – терпеливо, но и с удовольствием пояснил шас. – Вам вот не удивительно, что, вспоминая названия музыкальных коллективов тех лет, вы постоянно попадаете в Британию? Если бы всё происходило само собой, то Америка затмила бы всех, но бизнесмену, о котором я говорю, в силу ряда обстоятельств было удобнее работать на островах, и – вуаля! Ну, а когда ком покатился, деньги стали вкладывать все: и челы, и наши, но эти деньги работали на рост состояния одного бизнесмена, который стоял у основания, был «Инвестором № 1», и до сих пор на его складах валяется куча древнего барахла, доставшегося от будущих звёзд. И потому эти звёзды ещё долго не погаснут, и о них будут периодически напоминать: бизнесмен позаботится об этом, пока не распродаст весь запас.

– У него там много всякой ерунды хранится, если так! – предположил Шарп, уже понимая, о ком речь. – Он не мог не ошибаться.

– Да, но не случится ли так, что вдруг воссияет звезда, ка-

залось бы, давно забытая? Что, если кто-то, учтя конъюнктуру, выбросит на рынок якобы «утерянные» записи? А уже вслед за ними – галстуки, салфетки с текстами, разбитые гитары...

– За вашего дедушку! – Шарп сделал большой глоток. – Надо же, как много у Равиша интересов.

– Куда больше, чем кажется. Так что он может позволить себе быть грубоватым. А я – нет. – Рут изящно, одним движением, извлёк откуда-то и положил на стойку визитку. – Может быть, наёмнику интереснее работать с теми, кто только начинает путь? Вот, скажем, дядя Виолиция, почтенный Граций, и не подумает иметь дело со мной, он сразу пойдёт к старому Равишу. А Виолиций со всеми проектами должен идти к таким, как я.

– А это не Граций, часом, помогал твоему дедушке минимизировать риски на рынке британской поп-музыки в шестидесятых? – Шарп следил, как подвыпившие челы, пошатываясь, покидают бар, оставляя Виолиция без занятия. – Рут, не темни. У тебя есть для меня работа?

– Разумеется! – просиял молодой шас.

«Он знает, что я на мели, он знает, что я неплохо поработал для его деда, и теперь хочет приобрести мои услуги по дешёвке, – дошло до наёмника. – Сукин ты сын! А ещё – верный сын своего народа».

– У меня уже появился солидный клиент. – Шарп усмехнулся и кивнул концу: – Виолиций! Повтори за мой счёт!

Шас слегка погрустнел и с печалью уставился на визитку, к которой наёмник даже не прикоснулся. Зато конец, услышав, что клиент готов платить лично, переместился поближе.

– Привет, Шарп, извини, что не подошёл сразу – был занят. И я очень рад, что у тебя всё наладилось.

– У меня и не разлаживалось! – делано хохотнул Шарп, в очередной раз понимая, что его личность тут обсуждали, и не раз. – У меня всё в шоколаде.

– У нас тоже всё скоро будет! – Виолиций улыбнулся, но почему-то потер ухо. – Дядя, правда, мной недоволен, но скоро он изменит своё мнение! Рут, ты рассказал о нашем проекте?

– Не успел, – грустно проронил шас. – Да и что такого особенного?..

– Мы ставим мюзикл! – зашептал Виолиций, перегнувшись через стойку. – Мюзиклы в Москве любят, но их ставят гораздо меньше, чем надо бы. И поэтому я готовлю настоящую бомбу!

– С мировым бюджетом?

Компаньоны скили ещё больше.

– Бездарное произведение не спасёт даже десятизначный бюджет, поэтому я делаю ставку не на антураж, а на содержание, – пробубнил Виолиций. – Я просчитал: тут главное – толковый, популярный и доходчивый сюжет. Выпьешь ещё?

– Ну да, – кивнул наёмник. – На мюзикл «Преступление

и наказание» я бы не пошёл. Выпью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.